ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

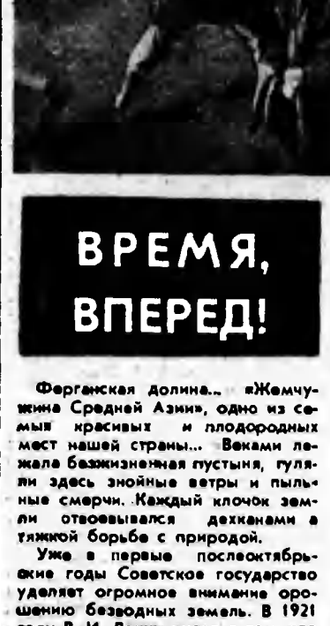
Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й
№ 140 (4083)
СУББОТА,
26
НОЯБРЯ
1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Ферганская долина... «Жемчужина Средней Азии», одно из самых красивых и плодородных мест нашей страны... Веками лежала безжизненная пустыня, гуляли здесь знойные ветры и пыльные смерчи. Каждый клочок земли отвоевывался дехканами в тяжкой борьбе с природой.

Уже в первые послеоктябрьские годы Советское государство уделяет огромное внимание орошению безводных земель. В 1921 году В. И. Ленин писал о том, что «орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край,



возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

1 августа 1939 года началось строительство Большого Ферганского канала. На трассу вышло 160 тысяч колхозников Узбекистана и Таджикистана. Одна из самых грандиозных, поистине народных строек!..

Водная артерия длиною почти в 500 километров пересекла мертвую пустыню. Тысячи гектаров новых плодородных земель получили хлопкоробы.

Строительство Большого Ферганского канала — славная героическая страница в истории народов Средней Азии.

Фото М. Аллаберта, М. Грачева, А. Малинина и Центрального государственного архива кино-фото-фонодокументов СССР

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ХРОНИКЕРА

На днях под председательством К. Горбунова состоялось заседание совета по киргизской литературе, на котором обсуждался выпущенный издательством «Советский писатель» сборник «Киргизские рассказы». Мнениями о сборнике обменялись писатели, критики, переводчики: Т. Вайзаков, Л. Вать, С. Кирьянов, Л. Климович, В. Кучочкин, З. Османова, В. Росляков, В. В. Смирнова, А. Турков, Г. Хантемирова, Х. Хусаинова, Ш. Абдрахманов, К. Жусубалиев, К. Джусупов, А. Саспаев и другие.

Совет Министров Калмыцкой АССР учредил Государственную премию Калмыкии, назвав ее именем прославленного героя гражданской и Отечественной войн Они Ивановича Городовикова. Премия будет присуждаться ежегодно за выдающиеся произведения литературы, искусства и исполнительское мастерство.

Первое присуждение премии решено провести в канун 50-летия Советской власти — 1 ноября 1967 года.

«Поэзия и Революция». Под таким названием прошел вечер в Центральном лектории Политехнического музея. Вступительное слово о пути нашей поэзии — от Октября до нынешнего его пятидесятого года — сказал Алексей Сурков.

В зале Политехнического музея перед старшеклассниками и студентами прошла живая история нашей страны: штурм Зимнего, гражданская война, первые пятилетки, Великая Отечественная. Выступали поэты П. Арский, А. Безыменский, Я. Шведов, И. Френкель, Ю. Друнина, В. Цыбин. Прозвучали записи голосов Э. Багрицкого, Н. Асеева, А. Ахматовой.

А. БРАТСКИЙ

При Калужском областном отделении Союза писателей РСФСР открыт университет молодого литератора. Цель его — помочь начинающим прозаикам и поэтам углубить знания в самых различных областях: литературе, искусстве, философии, истории, науке и технике. К чтению лекций привлечены преподаватели Калужского педагогического института, писатели, поэты, критики.

В. АКСЕНОВ

В ялтинском литературно-мемориальном Доме-музее А. П. Чехова, сообщает корреспондент ТАСС, начались съемки киноленты о последних годах жизни великого писателя. Антон Павлович, сообщая одному из друзей о своем новом месте жительства, писал: «Мой адрес — Ялта». Эти слова стали названием киноочерка, который создается Московской студией научно-популярных и учебных фильмов. 140 тысяч человек в этом году посетили мемориальный Доммузей, а благодаря кино в нем «побывают» миллионы людей, проживающих в разных уголках страны.

К НОВЫМ ТВОРЧЕСКИМ ГОРИЗОНТАМ

ЗАМЕТКИ С V СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

У СОВЕТСКИХ литераторов сложилась прочная, добрая традиция — на своих съездах подводить итоги, держать совет по творческим проблемам в полном соответствии с жизнью всей страны, соразмеряя свой труд с задачами коммунистического строительства, задачами воспитания нового человека, патриота, интернационалиста, вдохновенного труженика, борца за передовые идеалы времени.

Эта традиция в полной мере проявилась и в работе V съезда писателей Армении, рабочая атмосфера которого определялась углубленным интересом к проблемам современности, серьезными раздумьями об ответственности труда писателя.

Литература — художественная летопись народных деяний, духовных устремлений людей. Семь лет, минувших после IV съезда писателей республики, были годами больших дел и добед советского народа.

Большой вклад в коммунистическое строительство внесли и труженики Советской Армении. Чутко ли прислушивалась к пульсу жизни литература, какой вклад в общее дело внесли художники слова республики, — об этом шла речь на недавно закончившемся писательском съезде. Тема эта широка и многогранна — и участники съезда серьезно осмысливали итоги творческого семилетия, стремились дать трезвый анализ и успехов, и недочетов. По-деловому, принципиально вскрывались ведущие тенденции литературы, а также недостатки, присущие некоторым литераторам.

Глубокая заинтересованность в развитии родной литературы, росте ее идейно-художественного уровня, чувство ответственности, с каким провели свое большое собрание литераторы республики, вполне понятны: календарь уже отсчитывает год, который с гордостью все передовое человечество называет юбилейным годом Октября. Вдохновленные решениями XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, призвавшего художников слова крепить связи с жизнью, создавать новые произведения, многогранно, зрело, мастерски отражающие современное развитие нашего общества, писатели республики обсуждали итоги работы, намечали новые перспективы.

СЕРЬЕЗНОЕ и деловое течение съезда во многом предопределил содержательный доклад **Эд. Топчяна** «Современность и задачи армянской советской литературы». Он отличался широтой охвата событий и явлений, присущих жизни и литературе последних лет.

— Чтобы поднимать коренные вопросы эпохи, — сказал Эд. Топчян, — литература должна глубже проникать в сущность великих событий наших дней. Знание жизни — это решающая предпосылка для большого искусства, предпосылка, которая должна объединиться с талантом, творческой мыслью и художественным мастерством. Когда нет такого сочетания, нет и настоящего искусства.

Современность... Чтобы глубоко, истинно художественно отобразить ее, писателю нужно быть сыном своего времени, чувствовать героику наших дней. И, как отмечали **В. Минасканян, А. Спрас, С. Аладжаджян**, постоянно совершенствовать свое мастерство. Здесь не обойдешься одними только традициями, уже известными изобразительными приемами. Писатель должен овладеть всем арсеналом художественных средств, выработанных современной литературой.

Вопросы традиций и новаторства в Армении за истекшее семилетие часто поднимались и в критике, и в теории. Сталкивались с ними литераторы и в живой практике. Армянская литература, имеющая шестнадцативековую историю, — одна из древнейших в мире. Понятно поэтому, что проблема, которой так или иначе касались многие ораторы, была проблема традиций и новаторства. Вопрос этот получил на съезде трезвую оценку и рассматривался в тесной связи с другим вопросом, — о национальном и интернациональном в литературе.

— Мы, — сказал **Геворк Эмин**, — по праву гордимся нашими национальными ценностями, но нередко под национальным понимаем только вчерашнее. Необходимо развивать те традиции прошлого, которые являются положительными, жизнеспособными. Не скорбь и плач отличают нас — армянский народ жизнелюбив, крепок духом, иначе не смог бы он противостоять вековым бедствиям и возродиться в советских условиях.

Этой же проблеме уделил внимание и основной докладчик.

— Мы отвергаем национальную ограниченность не только потому, что она несовместима с нашим интернациональным мышлением, — говорил Эд. Топчян, — но и потому, что национальная ограниченность есть выражение литературной отсталости.

Один за другим сменяются на трибуне ораторы, идет живой и обстоятельный обмен мнений.

Пожалуй, и это не только наше мнение, одним из самых ярких выступлений была речь поэта **Паруйра Севака**. В ней звучала кровная забота о будущем литературы, о путях ее развития. П. Севак говорил о том, что чувство национального достоинства ни в коем случае нельзя подменять национальным чванством. Не в том ведь дело, иронизировал П. Севак, что ноев ковчег пристал именно к Арарату. Мы богаты бесподобными шедеврами искусства, глубоко национальными, а потому — общечеловеческими. Необходимо шире выносить наши культурные ценности на мировую арену, но нельзя считать, что наша литература должна развиваться, опираясь только на свои национальные достижения. Для того чтобы создавать настоящее современное искусство, надо правильно использовать опыт, достижения всей советской многонациональной и мировой литературы.

На съезде справедливо говорилось, что любой процесс развития содержит в себе утверждение каких-то новых представлений и отрицание устарелых, но не абсолютное, бездумное отрицание всего того, что создано в искусстве до нас. В армянской советской литературе встречаются иногда отголоски неправильного понимания новаторства, и тогда появляются заумные стихотворения или «бесфабульные» и лишенные образов рассказы, как бы находящиеся в состоянии временной «невесомости».

Столбовой дорогой, как отмечали многие ораторы, для армянской советской литературы, шагающей в монолитном строю нашей многонациональной литературы, является социалистический реализм, открывающий все возможности для широкого расцвета дарований.

За отчетный период воздействия армянской прозы на духовный мир народа стало более целеустремленным и действенным. Выросла ответственность писателя за судьбы общества и личности. Вторжение века в произведения прозы заметно и ярко. Радует творческая активность писателей. За последнее время к читателям пришло много новых произведений армянских писателей: «Семья Амирянов» выдающегося мастера слова Стефана Зоряна, «Сасна Давид» Наири Зарьяна, счастливо совмещающего поэтическую лиру с мастерством прозаика, «Голос молчания» Гургена Маври, «Каджаран» Серо Ханзадяна, «Пленные» Г. Сеяунца, «Пути-дороги» Анант Саинян, «Ширак» Ахавни, «На пороге лета» Анжелы Степанян, «Книга бытия» Вигена Хечумяна... Да разве все перечислишь!

В эти годы в прозе родились и новые имена. В первую очередь следует назвать бесспорно талантливого Гранта Матевосяна, повесть которого «Мы и наши горы» отмечена ярким гражданским темпераментом, а также Зорайра Халапяна и Геворка Аршакяна, чьи повести и рассказы получили горячее одобрение читателей.

Музы оказались щедры к нам, так образно отметил содокладчик по прозе **С. Агабабян** успехи жанра. Наряду с анализом положительного в армянской прозе последнего семилетия С. Агабабян остановился на недостатках отдельных произведений. Литература немыслима, подчеркивал оратор, без значительных социальных обобщений. Ни отвлеченное морализирование на тему «добра» и «зла», ни пассивная созерцательность, ни фейерверки модного формализма не способны дать конкретного анализа действительности. Не графоманская фактография и стилистическое жеманство, а социальное человековедение, человек, его радости и боли, поиски счастья и беды, борьба и идеалы — вот что должно быть в центре внимания писателя.

На съезде, конечно, шел разговор о положительном герое. Живой, созидающий, духовно обогащенный человек пришел в литературу. И все-таки «героя нашего времени», который стал бы властителем дум, образцом для подражания, героя, которого с полным правом можно было бы назвать «художественным типом века», читатели прозы только еще ждут.

— А в жизни есть такие герои, — сказал **Г. Севунц**. — Важно не только создавать города, надо создавать человека. Духовная культура не должна отставать от материальной.

С трибуны съезда весомо прозвучали слова об остроте и прицельности гражданского зрения писателя, его общественном призвании и внутреннем облике в выступлениях поэта В. **Норенца**, прозаика **А. Саинян**. О вреде нигилизма в отношении к культуре родного народа, о правильном соединении национального и интернационального в литературе, немыслимом без уважительного отношения к родному языку, к прогрессивным народным традициям, говорил в своем выступлении секретарь правления Союза писателей СССР **А. Чаковский**. Он остановился также на вопросах, связанных с теорией и практикой социалистического реализма, правдивого изображения героических страниц истории советского народа.

ОБСТОЯТЕЛЬНО анализировали участники съезда и состояние современной армянской поэзии. Как отметил содокладчик **Г. Тамразян**, за последние годы поэты Армении — наследники великих Нарекаци, Саят-Новы, Туманяна, Исаакяна и Чаренца — добились заметных творческих удач. В нее пришли интересные молодые силы. Плодотворно продолжают работать поэты старшего и среднего поколений.

Успешно развивалась лирическая поэзия. Много поэтов сейчас в Армении — «хороших и разных». Связи нашей поэзии с многонациональной советской и мировой поэзией, подчеркнул Г. Тамразян, должны быть крепки; обогащаясь, она должна идти вперед, достигать мировых вершин, способствовать обогащению человеческого духа.

В сегодняшней армянской поэзии много творческих индивидуальностей, но ей явно недостает жанрового разнообразия. На съезде поэтам был сделан упрек: мало создано поэм, слабо развивается эпический жанр.

НА писательском форуме был поднят специфический для армянской литературы вопрос о творчестве прогрессивных зарубежных писателей-армян, волею трагической судьбы заброшенных в чужие края, о необходимости более тесной связи с ними, издания у нас их произведений. Шел разговор и о большом драматургическом наследии Левона Шанта, который все еще остается неизвестным широкому читателю.

Для интенсивного развития армянской литературы ей, как и любой другой советской национальной литературе, нужна всесоюзная трибуна. Чтобы слово литераторов Армении все более полно звучало в стране, надо еще шире ставить переводческое дело в республике, привлекать к нему высококвалифицированных литераторов, — об этом говорил на съезде первый заместитель главного редактора журнала «Дружба народов» **Акоп Салахян**.

И еще. С горячей озабоченностью говорили участники съезда о языке; ведь по горьковскому определению язык — первоэлемент литературы. Хранить его как самое дорогое национальное достояние — таков был общий глас. Но беречь язык, как справедливо заметил **Нанри Зарьян**, это вовсе не означает, что следует строить преграды естественным путем проникающим в него и обогащающим его словам из языков ближних и дальних соседей. О долге писателя развивать, шлифовать, обогащать родной язык говорил и **Ованес Шираз**.

На съезде с большой речью выступил первый секретарь ЦК КП Армении **А. Кочинян**. В речи товарища Кочиняна была нарисована впечатляющая картина расцвета экономики и культуры Армении. Оратор говорил о духовном богатстве нашего современника, о формировании в нем новых коммунистических черт и в связи с этим о задаче писателей — создавать яркие, полнокровные образы героев наших дней.

— Писатели должны, — сказал А. Кочинян, — сознавать свою историческую миссию пропагандистов коммунистических идей. Союз писателей Армении должен усилить работу по идейно-эстетическому воспитанию литераторов, создавать в своей организации подлинно творческую атмосферу, атмосферу высокой взыскательности, принципиальности и гражданской ответственности художника перед народом.

Армянские советские писатели, наследники богатых традиций многовековой литературы, продемонстрировали на своем форуме, что они способны решать высокие идейно-художественные задачи, которые ставят перед ними современность, партия, читатель.

* * *

Состоялся пленум вновь избранного правления Союза писателей Армении. Первым секретарем правления избран Эд. Топчян, секретарями — П. Севак, Р. Ованесян, С. Аладжаджян.

К. СЕРЕБРЯКОВ,
Я. САДОВСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

ЕРЕВАН

ЗАДЫМИЛСЯ ЛИ опять вулкан в центре Европы? Тот самый вулкан, извержение которого в прошлый раз стоило жизни 50 миллионам людей и опалило огнем всех нас, еще живых?

Три недели назад на выборах в западногерманской земле Гессен неонацисты, выступающие под маской появившейся в ноябре 1964 года неизвестно откуда «Национал-демократической партии» (НДП), получают почти четверть миллиона голосов и восемь депутатских мест в земельном ландтаге. В прошлое воскресенье та же НДП получает на выборах в Баварии 15 депутатских мест, а партия «свободных демократов» (СвДП), одна из двух правящих партий в ФРГ, — ни одного. За НДП голосует почти 400 тысяч человек, в Северной Франконии каждый восьмой избиратель.

Если считать, что соотношение голосов в других районах ФРГ примерно такое же, как в Гессене и Баварии — в среднем 7,7 процента за НДП, — и учесть общее число голосовавших на последних выборах в бундестаг, то окажется, что на сторону неонацистов в 1966 году перешло уже не менее двух с половиной миллионов западных немцев. Молодежь, еще не обладающая избирательными правами, не в счет.

Это — спустя два десятилетия после окончания войны, когда мир считал, что немецкий фашизм растоптан и уничтожен навсегда. Что будет еще через пять лет, если дела в ФРГ будут идти так, как сейчас?

Многим, вероятно, нелегко поверить в то, что они читают в телеграммах из Бонна. Действительно, факты кажутся чудовищными, цифры — непонятными. Новые гитлеры, геббельсы и геринги в шестидесятых годах? Начало второй эпидемии коричневой чумы? Может ли быть такое?

СИГНАЛ

Эрнст ГЕНРИ

Да, может. История в нашу эпоху не раз ставила нас перед перспективами, казавшимися невероятными и фантастическими. Пора привыкнуть к ее взрывам и парадоксам в век динамической смены общественных систем. Сегодня уже никто не может отрицать, что угроза возникновения новой большой нацистской партии в Западной Германии стала реальной возможностью. Никто, не исключая и тех ученых профессоров и политиков на Западе, которые после войны с глубокомысленным видом знатоков доказывали, что ничего похожего на старое в ФРГ произойти не может, что там думают только об экономическом процветании и укреплении демократического порядка и что вспоминать о прошлом пора перестать.

Нет, не пора.

СТАТИКА И ДИНАМИКА

Некоторые скажут, что беспокоиться всерьез все же преждевременно. Шестьсот тысяч голосов — это не так уж много.

Может быть. Но политика никогда не бывает статичной. Надо видеть ее так, как она ощущается, — в движении. Угрозу немецкого неонацизма нельзя измерять числом бюргеров, сидящих в эти дни в мюнхенских и франкфуртских пивных и с криками поднимающих кружки в честь НДП. Вспомним, что на прошлых выборах в бундестаг — всего лишь год назад — та же НДП собрала только два процента голосов. Сегодня эту партию уже считают третьей по значению в ФРГ, после христианских демократов и социал-демократов, а ее руководители на днях торжественно заявили по телевидению, что она на пути к превращению в «великую национальную партию».

Вспомним и другое, тоже о политике в движении. На выборах в рейхстаг в 1928 году — за пять лет до прихода Гитлера к власти — его партия получила по всей стране 800 тысяч голосов. За нее голосовало тогда 2,6 процента избирателей — чуть больше, чем за НДП прошлой осенью. Это было время сравнительно благоприятной экономической конъюнктуры в Германии. Год спустя начался экономический кризис. В 1930 году нацисты получили 6,4 миллиона, или 18,3 процента всех голосов, а еще через два года, накануне назначения Гитлера канцлером, — 11,7 миллиона голосов. Это и есть разбушевавшийся, прорвавшийся вперед фашизм, когда реваншистская буржуазия с ее спутниками — люмпенпролетариями толпами переходит в его лагерь, когда крупный капитал методически ведет фюреров к власти и когда буржуазное «демократическое» правительство не шевелит и пальцем, чтобы покончить с чумой.

Верить, что немецкий фашизм действительно просыпается и встает на ноги, не хочется. Но факты глядят нам в глаза. Сколько страшного и непоправимого пережил мир в нашу эпоху только потому, что своевременно не услышал сигнала. Самое глупое в политике, как и в жизни, — убегать от фактов. Еще хуже и преступнее — их утаивать.

1 марта этого года боннское министерство внутренних дел, которому официально поручено следить за «экстремистскими» движениями, опубликовало отчет о неофашистских организациях в ФРГ. К отчету была приложена подробная, с педантичной немецкой аккуратностью составленная статистика. Министерство было очень довольно положением дел. По подсчетам выходило, что в Западной Германии имеется 113 «крайне правых» организаций с 28 600 членами, то есть по 253,1 человека на организацию.

О чем толковать, с какой стати волноваться? В комментарии к отчету сам министр внутренних дел ФРГ Люкке заявил, что неофашисты в Западной Германии — это «ничтожное меньшинство неисправимых и фанатиков». Вывод министра был таков: «Через 20 лет после падения режима насилия (гитлеровского рейха. — **Э. Г.**) лагерь крайне правых не представляет актуальной опасности для нашего демократического государства».

Вспоминается еще другая цифра. Возможно, для некоторых статистика — скучная вещь. Но цифры из этой арифметики имеют ту особенность, что потом их приходится писать кровью. В 1925 году, за восемь лет до победы Гитлера в Германии, число зарегистрированных членов нацистской партии составляло 27 тысяч человек — на полторы тысячи меньше, чем, по официальным боннским данным, насчитывается теперь во всех неофашистских организациях ФРГ. Но дело не только в сравнении с прошлым. Сейчас НДП лишь в землях Бавария и Гессен получила в двадцать раз больше голосов, чем, по утверждению правительства, числится неофашистов во всей Западной Германии.

Одно из двух: или боннские власти сознательно обманывают общественность, считая неофашистов, как проституток, только по зарегистрированным в полиции карточкам, или же они не знают, что делается у них под носом.

«Посмотри-ка — вот идет наш учитель истории. То-то он сегодня опять на урок не пришел». (Надписи на плакатах: «Границы 1937 года», «Мы требуем возвращения Силезии», «Реванш»). Рисунок из журнала «Ойленшпигель» (ГДР)

Лжет боннская полиция или спит? Одно не лучше другого. Но люди с хорошей памятью вспомнят, что именно в те годы, когда веймарские министры тоже называли партию Гитлера «ничтожным меньшинством неисправимых», не представляющим «актуальной опасности» для республики, словом, бедными заблудшими овцами, в штабе фюрера уже готовились к созданию коричневой армии головорезов.

(Окончание на 4-й стр.)

НА ПРОВОДЕ — ПРАГА

УРОКИ-КОНЦЕРТЫ

СОВЕТСКИЕ писатели нередко бывают в братской дружественной Чехословакии. Сейчас там гостит Иракли Андроников. Впрочем, слово «гостит», вероятно, не совсем точно выражает суть этого сообщения.

Вчера мы связались по телефону с Прагой и попросили И. Л. Андроникова рассказать читателям «Литературной газеты» о своей необычной миссии.

— Вместе с артистом-чтецом Яковом Смоленским я приехал в Прагу работать. Прага является лишь одним из пунктов нашего делового маршрута. Мы уже побывали в Ческе Будейовице, Писеке и других городах. Что же это за работа? В течение многих лет Общество чехословацко-советской дружбы помогает большому кругу граждан своей страны изучить русский язык. Нас просили выступить перед аудиториями, уже хорошо понимающими по-русски, чтобы они услышали звучание русских стихов, проверили свои знания, пополнили словарь, уточнили русские ударения... Наши слушатели — взрослые и подростки, учащиеся школ и студенты — успешно овладевают русским языком.

Мы беседовали с группой молодых рецитаторов (так называют чтецов) о том, как звучит русский стих, как возникло в нашей стране искусство художественного чтения, как читали стихи Маяковский и Яхонтов. Естественно, что после этих бесед следуют «иллюстрации» — мы читали произведения русских поэтов.

Эти проходящие в институтах, школах, клубах русского языка встречи и составляют суть нашей миссии. Ее необычность, возможно, заключается и в том, что нам приходится говорить по-русски медленнее обычного, избегать сложных конструкций, подтверждать сказанное разъяснительной фразой... Необычность заключается и в том, что эти встречи с чехословацкими друзьями становятся уроками-концертами, посвященными нашей родной литературе.

Наша необычная, очень приятная миссия продолжается. Впереди — Братислава и другие города.

ЛАДОГА — ДОРОГА БОЕВАЯ...

«ДОРОГА ЖИЗНИ»! Только два слова. Но какое огромное содержание в них заложено. 1941 год. Враг окружил Ленинград. Единственный путь, по которому возможна была связь осажденных со страной, был путь через Ладожское озеро. Осенью 1941 года он проходил по воде, а зимой действовала легендарная ледовая трасса.

В первую блокадную зиму эта автомобильная дорога работала 152 дня (до 21 апреля). За это время по ней было доставлено в Ленинград 367 тысяч тонн грузов и в том числе 270 876 тонн продовольствия. Кроме того, из Ленинграда было эвакуировано 514 тысяч жителей и 35 тысяч раненых и больных воинов.

Четверть века тому назад, 22 ноября 1941 года, по льду Ладожского озера прошла первая автоколонна с грузом продовольствия для Ленинграда.

Николай ТИХОНОВ

РАННЕЙ весной * я летел над Ладогой. Зимняя дорога — дорога жизни — кончалась. ...Самолет шел почти бреющим полетом, и стало видно, как среди маленьких сосенок и елок стоят вмерзшие в снег крошечные суденышки...

Но я знал, что это не простая флотилия. Это могучий ладожский флот с экипажами испытанных моряков. И действительно, наступили дни навигации, и каждое из этих маленьких судов получило свою миссию, свой боевой приказ. На смену воинственному племени дорожников и шоферов пришли отважные моряки.

По волнующейся голубой дороге ладожских вод в город устремились потоки продовольствия и боеприпасов. Ленинград знал хорошо, кому он обязан каждым мешком муки, каждым кулем сахара, каждым ящиком крупы...

Ленинградцы знали, что работа на Ладоге требует особых качеств. Бурное озеро, враги на берегу, враги в небе, враги, грозящие с севера на воде, — все это презирали и преодолевали ладожские моряки. Простые, суровые люди крепко держали штурвал в своих привычных руках.

Боевая дорога через Ладогу, как и зимой, когда она имела указатели, ледяные домики и регулировщиков, работала полным ходом. Много подвигов совершено скромными бойцами Ладожской флотилии...

Сейчас снова осень. Сентябрьские штормы уже подымают седые валы и бросают легкие суденышки в водяную бездну, глухо ударяют в берега. Туманы и дожди закрывают горизонт...

Дорогие моряки Ладоги! Ленинград, великий боец, отразивший все атаки свирепого врага, закованный в броню, сам наносит врагу сокрушительные удары. Он неприступен благодаря постоянному бодрствованию и совершенствованию своей обороны. Он тоже готовится к новой зиме, блокадной и суровой. Скоро Ладога покроется первым салом, потом и ледяной корой. Наладить дорогу сразу не удастся. Будет перерыв, когда ни корабль, ни грузовик не смогут преодолеть водную преграду.

Прервется аккуратное снабжение. Что это значит? Это значит, что героические моряки Ладоги должны удвоить, утроить свои усилия по перевозкам, должны напрячь все силы, все уменье, чтобы больше перевезти, больше закинуть грузов в Ленинград. ...Родина переживает грозное время. Враг рвется на юг, не жалея жертв. Но он, истекая кровью, может совершить бешеный прыжок отчаяния и на наш город, может попытаться снова отрезать нас неожиданным ударом. Надо быть наготове, надо быть стойкими и зоркими. Надо быть терпеливыми и запасливыми бойцами. Чем больше даст Ладога Ленинграду запасов продовольствия и боеприпасов, тем спокойнее, тем увереннее будет стоять наш чудесный, прекрасный город.

В ожесточенной борьбе советский народ завоевал себе свободу двадцать пять лет тому назад. Перенося всевозможные лишения, отбивая натиски всевозможных врагов, все преодолел он и вырвал победу. Сегодня снова приходится советскому народу праздновать день Октября в ожесточенных сражениях со смертельным врагом, который хочет лишить нас всех завоеваний Октября и кинуть наш народ во тьму средневековья.

Не будет этого, не выйдет это дело у врага. Будет он истреблен и уничтожен! Но для этого надо напрячь все силы и в тылу, и на фронте, особо у нас, где и город — фронт, и озеро — фронт и где ради великого дня мы должны не пощадить заветов прошлого и быть достойными встретить славную годовщину новыми победами...

Вперед, дорогие ладожцы, верните новые боевые дела, работайте бесстрашно и неустанно, победа будет за нами!

Напечатано в газете «За Родину» 3 октября 1942 года.

* 1942 года.

возвращаясь к напечатанному

ТАК ДЛЯ КОГО ЖЕ «ТРАВИАТА»?

Владимир БЛОК,
композитор

ДЕТИ и музыка... Здесь, как и в отношении литературы, с возрастающим значением эстетического воспитания все более настойчиво возникает жгучий практический вопрос: какова та духовная пища, которой мы потчуем ребят? Говоря о музыке для детей, нельзя пройти мимо таких острых «углов», как далеко еще не утоленный голод детского оперного и балетного репертуара, как проблема действенной музыкальной пропаганды. Да и сама проблематика — что есть детская музыка, какая «взрослая» музыка близка детворе разного возраста? — нуждается в уточнении.

Обо всем этом невольно задумываешься, перечитывая статью М. Сокольского «Сигарета с фильтром, или еще раз об отношении к классике» («Литературная газета» от 6 сентября с. г.). В этой своевременной статье, посвященной в основном отношению музыкальных театров к классике, критик касается и театрального репертуара для детей. Касается, правда, вскользь. Но в том-то и беда, что рассмотрение мимоходом сложных вопросов детского репертуара — не столь уж редкое явление в нашей музыкальной критике и публицистике.

М. Сокольский пишет о двух учительницах, которые выражали беспокойство, что у ребят возникнут вопросы по поводу содержания «Травиаты» или «Кармен»: «Если встать на точку зрения учительниц, правильнее, пожалуй, было бы запрещать «Кармен» лицам от 16 лет, именно для этого возраста «Кармен» может представить опасный соблазн».

Что ж, можно и дальше с полным основанием иронизировать над подобными опасениями. Невольно вспоминается сердитый оппонент К. Чуковского, предлагавший запретить «Муху-Цокотуху» из-за «разлагающего» описания ее «смешанного брака» с комаром. Но ведь дело не только в критикуемых М. Сокольским рассуждениях. Загвоздка отнюдь не в том, что ребята что-то в «Кармен» поймут «не так». Гораздо хуже будет для их нынешнего и грядущего доверия к искусству, если они (особенно, конечно, малыши) эту оперу не поймут так, как она того заслуживает.

Как известно, и в новелле, и в опере романтизируются быт и нравы цыган, воспеваются экзотически красивые картины Андалузии. Но, кроме этой легко воспринимаемой внешне-фабульной стороны, «Кармен», как немногие самые гениальные оперы, несет в себе огромное эмоциональное богатство. Она воспевает торжество действительно свободной (без кавычек) любви, являет нам сложный мир больших чувств, сильный накал страстей, остроту трагических коллизий, которые трогают детей «до 16 лет» (как в литературном, так и в музыкальном отображении) очень по-разному.

Сложная музыка не проще сложной литературы. А мыслящих читателей у нас куда больше, чем постоянных слушателей симфонической (и даже оперной) музыки. И то, что взрослого слушателя, «идущего» навстречу музыке, потрясает в «Борисе Годунове» могучей правдой художественного повествования, как правило, оставляет равнодушными наших ребят. Для них эта музыка еще слишком «ученая», как говорили во времена Глинки. И если уж говорить о «Кармен», то здесь гораздо более «броская» красота музыкальных образов волнует, конечно, многих юных слушателей. Но Сокольский, к сожалению, вообще не уточняет, о каких именно «до 16 лет» идет речь — им может быть и семь, и одиннадцать, и четырнадцать. И если первым, несомненно, ближе и понятнее «Петя и Волк» Прокофьева, то вторые и третьи, уходя впервые со спектакля «Кармен», вынесут уже что-то новое для себя.

Что же касается «Травиаты», то постижение ее эмоционального и образного содержания еще более сложно для детей. К тому же здесь и не только дети могут не усмотреть «души прекрасные порывы». Вот, к примеру, один из отзывов, автор которого характеризует «Травиату» как «довольно пошлую, сказать по совести, но уже успевшую облететь все европейские сцены, оперу, хорошо известную нам, русским...».

Мне могут возразить, что эта оценка свидетельствует лишь о субъективизме художественного восприятия Тургенева, чьи слова я привел, ничье индивидуальное суждение об искусстве не может иметь характер всеобщей истины: «Травиатой» наслаждаются многочисленные слушатели. Да, наслаждаются. Взрослые слушатели, с уже окрепшим душевным миром, для которых сюжет оперы, его внешне-фабульная сторона не заслоняют красоту музыки. Конечно, музыка, даже оперная, — не прямолинейное отражение социальной действительности. Но она и не пустая «игра звуков». Музыка всегда воспитывает чувства. Но чувства молчат, если в определенном возрасте опера (даже канонизированная как гениальная) кажется скучной. Почему, собственно, безусые юнцы должны воспринять «Травиату» глубже и правильнее, чем Тургенев?

Я ДАЛЕК от мысли ограничить детский репертуар несколькими «дистиллированными» образцами музыкальной классики. То, что со временем становилось классикой, часто вызывало резкие споры современников. Однако далеко не каждое сочинение порождало антитезу «благородное — пошлое». В таком измерении никогда не возникали споры ни вокруг «Аппассионаты» и «Лунной сонаты» Бетховена, ни вокруг «Пер Гюнта» Грига или «Майской ночи» Римского-Корсакова. В детских сердцах находят душевный отклик весенний разлив чарующих мелодий Рахманинова, высокая поэзия фортепианных миниатюр Шопена, Равеля, Дебюсси, романтическая сказочность «Полета валькирий» Вагнера, эпическая сила, фантастика и юмор «Картинок с выставки» Мусоргского, сочная жанровость Гайдна и Бартока.

Но вводить детей в сложный мир «взрослой» музыкальной классики надо вдумчиво и умело. И, конечно, ждать инструктивных решений о том, к какой музыке, когда и как приобщать юных слушателей, бессмысленно. Да дело и не должно свестись к «рекомендательным» спискам. Нужны общие усилия музыкантов, литераторов, психологов, специалистов по дошкольному и школьному воспитанию. Необходимо изучать специфику воздействия музыки, учитывая и возрастную психологию ее восприятия.

...Итак, существует многочисленная «взрослая» музыка, близкая и понятная маленьким слушателям. Но наряду с ней существуют высокохудожественные музыкальные произведения, написанные специально для детей. Чтобы создавать их, нужен талант особого рода. Ведь внутренний мир ребят не проще, чем у взрослых, но это их свой, особый мир. Войти в этот мир умели корифеи искусства и педагогики: Пушкин и Ушинский, Тувим и Корчак, Макаренко и Прокофьев.

У нас иногда ошибочно отождествляют понятия «детской музыки» (то есть музыки, всегда рассчитанной на восприятие детьми и часто на их собственное исполнение) и «музыки о детях». А это далеко не всегда одно и то же. Да и в литературе дело обстоит так же. Излишне было бы доказывать, что печальная история детства Неточки Незвановой, рассказанная Достоевским, — не для детей, что его же «Подросток» — не для подростков, а «Малыш» Доде — не для малышей... Но ведь и «Песни об умерших детях» Малера — не для шестиклассников, а сцена с маленькой русалочкой из «Русалки» Даргомыжского — не для октябрят!

И тут возникает самый большой вопрос: что же смотреть в театре детям младшего и среднего возраста, кроме «Кармен», «Травиаты» или «Русалки»? Ведь со времен «Сказки о царе Салтане» у нас нет равноценной оперы, близкой ребятам своей занимательной фабулой и динамикой сюжетного развития. Нет и балетов, столь же любимых в равной мере детьми и взрослыми, как «Щелкунчик» или «Золушка» (хотя и «Доктор Айболит» И. Морозова, и «Конек-Горбунок» Р. Щедрина, и «Золотой ключик» М. Вайнберга заслуженно снискали любовь маленьких слушателей). Не случайно чудесная симфоническая сказка С. Прокофьева «Петя и Волк» повлекла за собой целую цепочку жанровых метаморфоз, дав повод для двух мультфильмов (советского и американского) и для балета, поставленного А. Варламовым. И жаль, что у нас до сих пор не идут, в частности, опера Равеля «Дитя и волшебство» (по ней ленинградцы сделали хороший телефильм) и его же балет «Матушка гусыня». Эта прекрасная музыка в театральном воплощении доставит наслаждение и детям, и взрослым.

КОНЕЧНО, музыка для детей немыслима без умного, содержательного разговора о музыке, без литературы о ней. Юные слушатели с нетерпением ждут книги Д. Кабалевского, над которой автор работает, используя материал своих увлекательных бесед с детворой. Пока же детские книжки о музыке выпускаются довольно регулярно, но хороших среди них явно мало...

Разумеется, о серьезной пропаганде музыки должны подумать и немузыкальные издательства. Где же журнал «Юный музыкант»? Ведь его так ждут ребята! Можно было бы выпускать его, как «Кругозор», с вкладными тонкими пластинками...

Как это ни огорчительно, но музыка вообще еще, как правило, не пришла по-настоящему в среднюю школу. Беда здесь в главном — в нехватке квалифицированных педагогических кадров. Специальные факультеты, готовящие преподавателей музыкального воспитания для средних школ, правда, созданы во многих педагогических институтах, но количество выпускников далеко не соответствует потребностям школ.

Сейчас, в преддверии 50-летия Великого Октября, все чаще объявляются различные конкурсы — на создание опер, на лучшую массовую песню и т. д. А почему бы не организовать специальный конкурс на лучшую оперу, балет, симфоническое произведение, песню для ребят? На лучший музыкальный спектакль для них? На лучшую музыкальную радиопередачу?

Дети — очень требовательный народ. Им, выражаясь словами Маяковского, «многое хочется». Так не будем же отказывать им в музыке!

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

ЛЕДОВАЯ ТРАССА

ДОРОГА жизни, дорога жизни! Дорога, по которой, как солнечный луч (а, может быть, по-современному: как луч лазера!), рвалась к нам Родина. Но шла-то она не в виде луча — по зыбкому, неверному льду Ладоги, внезапно рано и непрочно замерзшему в ту зиму, шли машины, тяжело груженные мешками с мукой, боеприпасами, мясом... Ничего не стоило фашистам разведать и узнать эту ледовую трассу, которая несла жизнь ленинградцам. Самолеты висели над ней, ее бомбили, ее обстреливали непрестанно. А грузовики шли! Они шли с потушенными фарами, стремясь быть незамеченными. Но, когда их обливал сверху мертвенный свет вражеских ракет, когда рядом взрывы ломали и вздыбливали лед, — они все равно шли...

О тех, кто сто пятьдесят суток под снарядами и бомбами в сорокаградусную стужу днем и ночью водил эти героические машины, мы знали все.

Рассказывали о них и мне. И один из этих рассказов стал тогда стихотворением:

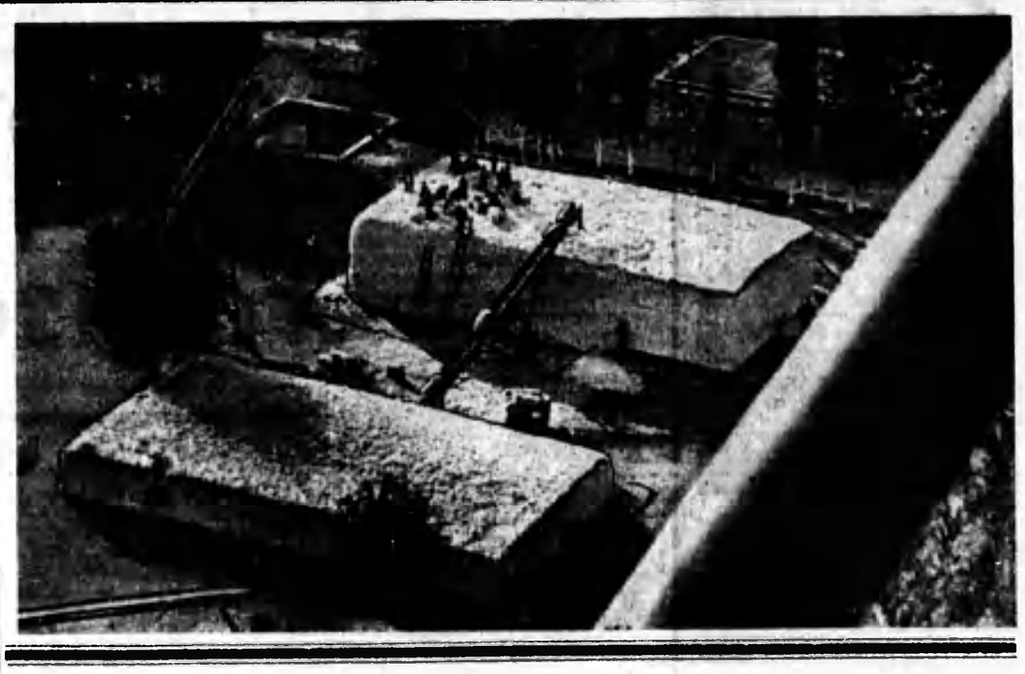
И было так: на всем ходу
машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть — мотор заело.
Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
да рук не разогнуть никак:
их на руле свело морозом.

Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб! Других
дождаться?
А хлеб — два тонны! Он спасет
шестнадцать тысяч ленинградцев.
И вот в бензине руки он
смочил, поджег их от мотора,
и быстро двинулся ремонт
в пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
к хлебопекарне до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
пайки получат на заре —
сто двадцать пять блокадных
граммм
с огнем и кровью пополам...

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Воды Большого Ферганского канала превратили безжизненную землю в край белого золота, хлопка, цветущих садов, виноградников.



Ревазу Маргиани — 50 лет

Одному из видных поэтов Грузии — Ревазу Ананиевичу Маргиани — исполнилось 50 лет.

Первая книга стихов поэта была издана в 1940 году. С тех пор вышло много книг, написанных им. Большой удачей автора явилась книга стихов военных лет «Мумли мухаса». Многие его произведения переведены на русский язык.

Реваз Маргиани — участник Великой Отечественной войны.

Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором горячо поздравляет поэта и желает ему новых творческих успехов.

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим пожеланиям.

□

Реваз МАРГИАНИ

Соль

В стихах моих, быть может,
мало соли?
Нет соли там —
а Сванетии родной.
А вдруг стихи
ни в радости, ни в боли
Не вскормлены зерновою волной?
В стихах моих, быть может,
соли мало,
Я костью слаб и не могу расти?
Сванетия родная отдавала
Всегда мне соль
Последнюю в горсти.
Не знаю. Может быть. Такое горе.
А может, соль не каждому видна.
Потом в моих стихах
проступит вскоре?
Сомнений ночь
Горька и солона.
Виной происхожденье мое,
что ль?
Сванетия! Я у нее в долгу.
Не может быть,
чтобы меня без соли
Отправила —
Поверить не могу!
За тридевять земель пойду,
запомни.
За тридевять морей —
в любом краю
Добуду соль,
Насыплю на ладони,
Чтоб Грузию обрадовать свою.

Перевел с грузинского
Михаил ЛУКОНИН

ПИСЬМА

УМСТВЕННЫЙ ТРУД И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

ПОКА НЕТ ЧЕРТЕЖНОЙ МАШИНЫ...

СТАТЬЯ группы авторов «Труд интеллигента» (опубликована в «Литературной газете» 20/IX 1966 года) затрагивает проблемы чрезвычайной важности. Для их решения придется, видимо, в корне изменить привычные взгляды и представления.

Два вопроса волнуют меня.

Не скоро, пишут авторы статьи, появится механическое устройство, способное заменить человека у чертежной доски. Это, к сожалению, так. Чертежной машины еще нет. Приходится делать чертежи вручную. При этом мы затрачиваем так много энергии и времени, что возникает вполне резонный вопрос: рациональна ли данная работа?

Чертеж вычерчен, его скопировали на кальку, сделали синьку. Чистенькая и свеженькая, она покидает конструкторское бюро, начинает самостоятельную жизнь. И с первого шага за стенами КБ выясняется, что вся тщательность и точность, с которой изготовлен чертеж, никому не нужны! Рабочий, глядя на синьку, должен представить себе только конфигурацию будущей детали. И все. Никто не станет снимать недостающий размер, прикладывая циркуль или линейку к чертежу: если размера нет, рабочий потребует, чтобы он был указан цифрой. Это закон.

Самое изящное изделие, рождаясь, проходит различные стадии, начиная нередко с вида весьма грубого. Так почему на самой первичной стадии, при изображении на бумаге, оно обязательно должно быть красивым? Со школьной скамьи нам внушается, чертеж должен быть четким, наглядным и... красивым! Не тянется ли такое отношение к чертежу от елизаветинских канцелярий и не является ли оно слишком дорогой данью «красивости»?

Не правда ли, забавно: чертежи, с которых не требуется снимать размеры, например машиностроительные, изготавливаются только при помощи инструментов, а чертежи, с которых снимают размеры (топографические карты), в основном делаются от руки?

Почему бы параллельно с попытками механизировать чертежные работы не отказаться от вычерчивания чертежей и не перейти к их рисованию от руки (хотя бы частично)? По собственному опыту знаю, что сделать достаточно четкий и наглядный чертеж от руки можно в несколько раз быстрее, чем при помощи готовальни. Сколько высвободилось бы энергии и времени!

Думаю, что на опыте одного-двух КБ можно приблизительно оценить, как дорого мы платим за красивость. Пусть своим совершенством радует человека готовое изделие, а не тот промежуточный «полуфабрикат», который мы называем чертежом.

Теперь о другом. Как относиться к труду научных работников и конструкторов?

Не могу забыть диалог начальника с научным руководителем:

— Где у вас сотрудник В.?

— Здесь. Работает.

— Он не работает. Он с утра болтается по двору из угла в угол!

— Он не болтается. Он работает. Он думает...

Кто сказал, что думать можно только сидя? Разве после рабочего дня мысль научного работника и инженера замирает? Ведь не запираем же мы свои мысли в ящик вместе с бумагами!

Что бы вы сказали о таком «рацпредложении»: всем московским писателям по утрам являться на улицу Воровского, 52 и с девяти до семнадцати дружно стучать на машинках (с часовым перерывом на обед)?

Издательство, заключившее договор с автором, не интересует, где, когда и как работает писатель, пишет ли он чернилами или собственной кровью. Главное — срок исполнения и качество произведения. А ведь процессы литературного и научно-технического творчества в чем-то сходны...

Говоря о создании наиболее благоприятных условий для научной работы, я полагаю, нужно подумать и о том, чтобы работник мог сам для себя определять свое положение в пространстве и времени. И если ему необходимо побыть одному для решения какого-то творческого вопроса, то его «прогулки» по двору ни у кого не должны вызывать административную ярость.

В. ИНФАНТЬЕВ

ЛЕНИНГРАД

ГАЙДАРОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В Арзамасском педагогическом институте имени А. П. Гайдара состоялась III межвузовская научно-теоретическая гайдаровская конференция. В работе конференции приняли участие филологи Москвы, Ленинграда, Ставрополя, Перми, Херсона, Винницы, Горького, Арзамаса и других городов.

Конференция посвящена 25-летию со дня гибели Гайдара. В этот памятный день перед зданием института был открыт скульптурный портрет писателя.

Н. РЫБАКОВ,
заведующий научным гайдаровским кабинетом Арзамасского пединститута

О ШКОЛЬНОЙ ХРЕСТОМАТИИ

НАСТУПИЛ новый учебный год. Изменилась программа по литературе в 8-м классе, а хрестоматии с текстами художественных произведений не изданы. Как тут быть сельским школьникам, где достать книги для самостоятельного чтения, для работы с текстами на уроках?

Помогите нам, товарищи из «Литературной газеты».

Ваши подписчики, учителя русской литературы Великоборковской сельской школы Подволочиссского района Тернопольской области — **ИВАНОВА, БУРЧЕНЯ, ИВЧЕНКО, КИЖИН**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция познакомила с письмом сельских учителей директора издательства «Просвещение» И. Терехова.

— Вот уже десять лет, нам мы не печатаем хрестоматии для старших классов, — сказал Иван Михайлович. — Вместо них выпускалась серия «Библиотека школьника». Это было, конечно, лучше: учащиеся знакомились с творчеством разных писателей не по «выборкам» из их произведений, а читали сами романы, повести, пьесы. Сейчас из-за нехватки бумаги мы не печатаем ни хрестоматии, ни отдельные произведения «Библиотеки». По планам этого и будущего года хрестоматии по литературе для 8-х и 9-х классов исключили в Комитете по печати при Совете Министров РСФСР.

— Да, — подтвердил заместитель председателя Комитета по печати при Совете Министров РСФСР В. Грудинин, — исключили, потому что бумаги нет...

Тревожное письмо и тревожные ответы.

Да, бумаги не хватает. Но ведь речь идет об учебниках для школьников! И тут не должно быть дискуссий — необходимо найти бумагу и издать хрестоматию.

Владимир МАКСИМОВ

ЕГО ВТОРОЙ СОН

Писатель Владимир Максимов закончил работу над повестью «Стань за черту», в которой, как и в предыдущих его книгах, развивается тема нравственного возрождения личности.

Герой повествования Михей Конопляев возвращается в родной дом, отмучав, бросив семью, ушел он много лет назад. Но, спасенный от людского суда, Михей, вспоминая свою жизнь, не уходит от суда совести.

Всякая подлость — бумеранг, сполна возвращающий все содеянное ее, — такова основная мысль автора.

Сегодня мы публикуем отрывок из повести, которая полностью печатается в журнале «Октябрь».

ТИФОЗНЫЙ карантин догнал Михея в Борске, куда он свернул, пробиваясь сквозь забитые составами дороги, к богатым рыбным промыслам Каспия, где, по слухам, за сезон можно было легко сколотить шальной и безопасный капитал.

Проев последние деньги, он ткнулся было в одно-два места, но получил отказ: лишних ртов в городе собралось невпроворот.

Голодный и грязный, бродил Михей по улицам в поисках угла или отлеживался в порожних пульманах у вагоноремонтного депо, пока не решился в конце концов на самый крайний для себя шаг: продать хромовые дареные тестем ко дню свадьбы головки, что хранил он до лучших времен, какие, по его расчетам, обещали начаться сразу же после богатых каспийских заработков.

Загнав у привоза эти самые тестевы головки, Михей прямиком направился в ближайшую чайную. Там, за парой дешевого медку, судьба и свела его с невидного облика смешливым старичком, который назвался ему Ильей Степанычем. Между двумя сменами кружек Михей поведал новому знакомому о своих злоключениях.

Тот похлебывал медок, посмеивался в остренький, под рыжей щетинкой подбородочек и молчал. А когда после доброй дюжины Михей только что не вывернулся перед ним наизнанку, тот скосил парня скукотным зевочком:

— Ну и что? Вас таких нынче в городе знаешь сколько? Куда ни плюнь — бедолага. А я что, поп или фершал? Папашкам своим кланяйтесь, они кашку заварили, а вы расхлебывайте, господа хорошие, москали... Медок благодарствую...

— Знаешь, дед, — вяло сказал враз поскучневший Михей, и допил остаток, и поднялся. — Врезал бы я тебе промеж зенок да боюсь, хоронить будет нечего: весь выйдешь... Даже сидеть с тобой и то муторно... Прощевай...

Но старичок попался ему с норовом: глядел себе спокойненько снизу вверх на него да посмеивался:

— А ты сиди, сиди, я тебе, сукину сыну, и не эдакое еще скажу. Ишь, взбычился!.. Куда вот тебя, шелудивого, черт несет от гнезда теплого? Руль твой длинный таким еще коротеньким обернется, что и срама не прикроешь. Богачество твое в тебе самом, а ты за ним по миру шастаешь. Думал, плироду на коне объехать, урвать поболе, а она тебя обошла. Пой теперь Лазаря всякому встречно-поперечному... Бога благодари, что на меня напал, а то бы итить тебе заместо фуража под тифозную вошь...

Веселые искорки так и прыгали из-под белесых, изреженных возрастом ресниц старичка; Михей чуть не подавился собственным вопросом:

— Вывезешь?

— Вывезу. Только уговор: в крайний раз из дому идешь. Заработаешь — ворочайся и боле уж дале своего куреня носу не высовывай. Не ищи от своего добра чужого. Все одно не прибудет, только убавится.

— Отец родной!

— «Отец»! Сказал — не подумавши. Был

ПО РАДОСТНОМУ ПРИЗВАНИЮ

Р. Азарх. «Дорога чести». Роман. «Советский писатель». М. 1966.

СТОИЛО открыть первую страницу этой книги, как тридцать лет отодвинулись назад: живо возникли события, эпизоды, переживания того года, когда весь мир напряженно следил за тем, что происходило в Мадриде, Барселоне, Гвадалахаре, на испанских сьеррах.

Все попытки буржуазных историков и беллетристов представить борьбу испанского народа как донкихотство, как бессмысленное самопожертвование безуспешны. В памяти народов мира подвиг испанского народа овеян славой и восхищением.

Сопротивление революционного испанского народа фашизму, поддержка, оказанная революционной Испании прогрессивными силами всех стран мира, опровергли миф о непобедимости фашистов, о неизбежности торжества национал-социализма. Несмотря на трагический финал войны испанского народа, мир познал, что только единство демократических сил мира обеспечит победу над фашизмом.

Раиса Азарх, автор романа «Дорога чести», была активным участником гражданской войны в Испании. Она написала роман без «любви двоих», но он пронизан любовью людей к свободе, равенству, миру. Прочитав книгу, возвращаешься снова к отдельным главам ее, потому что ее герои — борцы за республиканскую Испанию — становятся твоими друзьями и единомышленниками, потому что автор открыл тебе те страницы из их жизни, которые раньше были неизвестны.

Автору не надо было что-либо выдумывать, изобретать острые сюжеты и психологические коллизии. Сюжет «Дороги чести» писала сама жизнь на полях и предгорьях, в городах и селеньях Испании под залпы орудий и пулеметов, в часы лобовых атак и вихревых рейдов танкистов. С героями романа — испанцами, русскими, поляками, венграми, американцами — людьми интернациональных бригад автор был рядом на командных пунктах дивизий и бригад, в ложементах и в башнях танков. И его главная задача была — рассказать о них, ничего не убавив и не прибавив. (Эту верность правде жизни воспитывала в своем бойце партия еще в дни Октября и в годы гражданской войны. Раиса Азарх была одной из первых женщин, награжденных орденом боевого Красного Знамени.)

В романе «Дорога чести» Р. Азарх создала многогранный и обаятельный образ Матэ Залки — писателя, жизнелюба, человека великого мужества, беззаветно преданного людям труда, искусного воина и командира, глубоко понимающего психологию людей.

Мемуарная литература участников испанских событий сообщила нам некоторые факты о деятельности советских командиров добровольцев-советников. Раиса Азарх раскрывает их характеры: полковника Батина, одного из организаторов интернациональных бригад, наладившего боевую подготовку во фронтовых условиях, разрабатывавшего тактические планы; полковника Малино — мастера стратегического планирования, полководца, умудренного опытом первой мировой и гражданской войн; полковника Маринеско — организатора вождения танковых подразделений. Все они олицетворяют школу советского военного искусства. У них общие принципы, полное единство в методах воспитания и вождения войск, но каждый из них своеобразен. Сдержан, вдумчив, последователен и невозмутим даже в самых трудных обстоятельствах Батин; проницателен, настойчив мастер стратегического анализа Малино; порывист и пылок блестящий воспитатель бойцов Маринеско.

Живыми сходят со страниц книги Долорес Ибаррури, поляк Кароль Сверчевский — генерал Вальтер, болгарин Петров, наши советские добровольцы танкисты Алексеев, Новиков. Лучшие черты испанского народа олицетворяют Энрике Листер — командир дивизии, Энрике Босарте — командир батальона. Их дела, думы, стремления выражают чаяния миллионов простых испанцев.

Повествуя о трагических эпизодах войны, таких, например, как отправка подростка сына Босарте в тыл фашистов на разведку или единоборство танкистов Алексеева и Новикова с фашистским соединением, Р. Азарх избегает мелодраматических эффектов. Страницы романа привлекают точными, как боевые донесения, картинами военных будней. Но за ними слышится, нарастает мелодия «Интернационала», за ними встает картина международной солидарности людей труда перед лицом фашистской опасности.

Что же, книга безукоризненна, свободна от недостатков?

Я думаю, что рецензия — не заключение ОТК, а задачи рецензента не родственны задачам контролера. Он не имеет права пройти равнодушно мимо произведения, по его мнению, достойного внимания широких кругов читателей, произведения, насыщенного теми токами жизни, которые заряжают верой в людей доброй воли и ясных идей, людей, которые, как говорит один из героев романа, идут на бой с реакцией и мракобесием «по радостному призванию».

Георгий МАРЯГИН

«СЛЫШАТЬ» РЕБЕНКА

А. Шаров. «Дети и взрослые». Маленькие повести и очерки. «Советский писатель». М. 1966.

В КНИГЕ А. Шарова — четыре маленькие повести и два очерка. Речь в них, по существу, идет об одном — о воспитании человека.

Существуют две педагогические теории. Согласно одной из них ребенок — это предчеловек, его духовная жизнь самостоятельной ценности не имеет, а само детство — лишь подготовка к будущей настоящей взрослой жизни. Вторая теория считает детство важной, быть может, наиважнейшей частью самой жизни. А. Шаров — горячий пропагандист педагогических идей Л. Н. Толстого, Януша Корчака, Макаренко — сторонник второй теории.

Герой рассказа «Поездка домой» во время поездки на родину восстанавливает в своей памяти забытое детство. «Прикоснувшись» к нему, Карвялис как бы вновь обретает утраченные корни. Он уже не былинка, несомая ветром неизвестно куда и неизвестно зачем. Его новые чувства, вероятно, можно определить как потребность найти собственное место на земле, иметь прочные человеческие связи, не случайную, а единственную, любимую девушку и многое другое, что словами выразить трудно.

«Встряхивая детскую игрушку «калейдоскоп»,— пишет Шаров, — ты получаешь новые и новые узоры. Но узоры эти созданы из определенного числа цветных осколков. «Узоры» человеческий мозг и человеческая душа создают всю жизнь, но красота их, богатство, сложность обусловлены разнообразием, яркостью и тонкостью оттенков первоначальных элементов». Вот эти-то первоначальные элементы формируются в детстве. Каждый ребенок наделен от природы чувством нового, тем свойством, которое И. П. Павлов называл «рефлексом на новое» или «исследовательским рефлексом», и некоей «сказочностью мышления»: он верит в невероятное, видит его, реально его себе представляет. Душе ребенка «чужда и житейская грязь» («Часто поражаешься, как проходит ребенок, подросток через темные области жизни, но воде, как по суху», чудом не допуская это темное в себя, отталкивая его»). Талантливость и моральная чистота, примеры детства, с возрастом либо укрепляются, либо утрачиваются, — это одно из основных положений своей книги автор развивает и в очерках, и в повестях.

Размышляя о том, что мы, взрослые, делаем для того, чтобы уже в раннем возрасте «запрограммировать» талантливую и высокоморальную личность, Шаров спрашивает: не слишком ли рано мы разрываем контакты детей с миром природы, с миром опытного и образного, эмоционального мышления и заменяем его чисто книжным, логическим? Он убедительно, на многочисленных примерах, показывает, как много дает детям игра, общение с природой, как такое общение помогает «удержать» в детях тот «исследовательский рефлекс», ту «сказочность мышления», которые во взрослой жизни приведут их к осознанному творчеству.

Человек, не желающий или не умеющий «слышать» душу ребенка, не сможет его воспитать. Будьте чуткими к детям, снова и снова повторяет Шаров. У детей иные масштабы измерения. Вспомните их рисунки. На них человек больше дома (человек важнее), а цветок больше дерева (он красивее). То, что нам, взрослым, кажется пустяком, может ранить, искалечить, даже убить ребенка.

В рассказе «Ленька» пятилетнего мальчика, у которого умерла мать, приводит к дедом. Он привыкает к себе своему с игрушками. Для воспитательницы встретившей его там, старые игрушки — антисанитария и больше ничего. А для Леньки его игрушки — это единственная ниточка, за которую он сейчас держится, чтобы не оказаться уж совсем оторванным от своего прошлого, от чего-то ему привычного — от людей.

В очерках А. Шаров четко формулирует свою мысль, обосновывает ее и так, и этак, прибегает к аналогиям, приводит многочисленные примеры. Язык его очерков — это язык хорошей публицистики. Он точен, ясен, образен, естествен. В повестях же мы не найдем примет прямой плакатной публицистичности. Автор занят здесь, главным образом, исследованием внутренних переживаний и состояний героя, в которых он сам (герой) зачастую не может сразу разобраться. Иногда все же в повестях ощущается некоторая заданность.

Упомянутыми выше проблемами, разумеется, не исчерпывается содержание книги. Автор, хорошо знающий школу, психологию детей, затрагивает и другие темы. Хотя многие из них лишь обозначены в книге, а не рассмотрены сколько-нибудь обстоятельно, они дают представление о том, что волнует сегодня советских педагогов.

И. ТРАВКИНА

РЕДКИЙ ЖАНР

А. Аграновский. «Столкновение». Заметки писателя». Издательство политической литературы. М. 1966.

ПУБЛИЦИСТИКА — трудный жанр, а хорошая публицистика — тем более жанр редкий. Она требует от писателя особого дара.

«Есть логика жизни, которая рано или поздно приводит людей «для себя» к столкновению с обществом. Далеко не всегда это бывает столкновение в самом прямом смысле слова, чаще они никого вроде бы и не задевают, но так уж устроен мир, что две морали на одной улице ужиться не могут.

...Мы будем в этой книге изучать столкновения. Между энтузиазмом и равнодушием. Между новаторством и косностью. Между честностью и формализмом. Мы будем изучать столкновения самого разного толка — в области общественной жизни, в области экономики, в области морали».

Такое обещание дает писатель Анатолий Аграновский читателю в своей новой книге «Столкновение». Он населил свою книгу людьми самых различных профессий: тут химики и снабженцы, медики и филологи, зоотехники и кузнецы, официанты... Он построил ее так, что мы становимся не только свидетелями, но, по сути, участниками бесед и встреч писателя с его героями. Эти беседы и встречи интересны каждому читателю, независимо от его профессии, потому что Аграновский всякий раз, начиная с конкретной истории, обязательно выходит на магистральную, общественно важную проблему.

Директивы последнего партийного съезда, так близко коснувшиеся каждой личной судьбы, писатель сумел прочесть глазами всеведущего газетчика, который постоянно связан с людьми сотнями нитей и каналов. И вот мы получили публицистику, по которой тоскуем, — публицистику, в которой значительные проблемы разработаны с темпераментом журналиста и талантом писателя. В книге 16 глав — со многими из них мы уже успели познакомиться на страницах газет.

Для «Столкновения» характерно отсутствие так называемых «чисто моральных» очерков. Публицист уверен, что мораль «сама по себе», оторванная, насильственно отъединенная от экономики, материальной стороны дела, — это нечто искусственное, рожденное от пера и чернильницы. И потому, исследуя предмет, он всегда начинает с корней, скрупулезно изучает конкретное дело, не ленясь считать, сопоставлять и приводить иной раз таблицы, графики, сводки. И из графиков этих, из таблиц и сводок извлекаем мы подлинной морали больше, чем из иного «чисто этического эссе». Ведь талант подлинного публициста не только в умении владеть словом. Подлинный публицист был и останется экономистом, политиком, социологом и педагогом. Это его удел, или у него вообще нет удела. Такова современная жизнь и ее требования.

Выступает ли А. Аграновский против растраты образования («Не можешь петь басом, пой тенором!»), поднимает ли перчатку, брошенную воинствующими невеждами из экспериментальной базы в Горках покойному писателю О. Писаржевскому, рассказывает ли о крушении поезда и подвиге машиниста или беседует «с фининспектором о прозе», он выступает как исследователь, как социолог.

Велики в людях жажда постигнуть смысл и направление современного общественного развития, стремление осознать себя, свое дело и место с точки зрения обновленных ценностей. Книга «Столкновение» тем и отличается выгодно от многих и многих других публицистических сборников, что в значительной мере утоляет эту жажду.

Э. ЧЕРЕПАХОВА

«КРАСОК РУССКИХ ТРЕПЕТ»

С. Поделков. «Ступени». Стихи разных лет. Издательство «Молодая гвардия». М. 1966.

ПОЭТИЧЕСКАЯ звезда Сергея Поделкова сияет светом ровным и ясным. Источник этого света отчасти назван самим поэтом:

Свет Левитана — не фата-моргана
и не наплыв сумятицы во сне, —
горящие деревья видно мне,
живой огонь, ломающий нежданно
оковы рамы на глухой стене.
Как тесно пламени на полотне!
Сложу за тайнописью неустанной
то красок русских трепет
в тишине —
свет Левитана.

В этом стихотворении уже определены поэтические принципы автора, ощутим тот эстетический аффект, к которому он стремится.

Река, озеро, корявые корни, «танец пчел в саду», «испарина на выцветших пожнях» — вот любимые пейзажи поэта, превращающиеся под его пером в «красок русских трепет».

Природа в стихах Поделкова чаще всего неспокойна. Она полна волнения, жажды труда, скрытой тревоги за свое будущее. В этой подвижности автор и видит близкое себе. Его стихи чаще всего начинаются энергично, первой же строкой вводя читателя в движение, в жизнь природы.

Вот начало одного из лучших стихотворений сборника — «Герба города Перемышля Калужского»:

Река течет между двумя снопами,
снопами ржи, свой синий след
стеля...

Движение названо, но оно еще кажется далеким и не имеющим к нам отношения:

...через поля и через нашу память,
через ее магнитные поля.

Читатель уже властно «вдвинут» в пейзаж. Его охватывает невольное волнение, чувство сопричастия — обязательный признак поэзии:

Ни песни, ни приветствия
не слышно,
и верится: вокруг даров земли
на миг все труженики Перемышля,
отстрадовав, забыться прилегли.

Сон сдержанного солнечного
света,
и на природе сеть недужных мет,
на всем, на всем еще оттенки
лета,
и в то же время — лета уже нет.

Опять в спокойный пейзаж «включается» читатель. И возникает «живой огонь, ломающий нежданно оковы рамы на глухой стене». Это и есть главное свойство лирического искусства.

Добившись того, что читатель «вошел» в действие, что его воображение разбужено, поэт открывает ему себя и, открыв, дарит ему то гармоническое ощущение природы, которого жаждет каждая душа:

Зато средь обмажающейся земи
счастливый герб калужских
милых мест,
в нем зрелость времени и жатвы
бремя,
и признан хлебосолья и торжеств.
Искус сильнее душу жжет
с годами,
жжет лютое желание труда,
как шнур бикфордов, движет
мысль горами...
Продлись, ожесточенная страда,
теки, река, между двумя снопами!

Одно из любимых средств выразительности в народном творчестве — повтор. В нем — и музыкальность, и чувство ритма, и законченность формы: повтор придает стихотворению значительность и величавость, он же позволяет быть чрезвычайно экономным, а С. Поделков очень к этому стремится. Большинство его стихотворений с помощью повтора, то есть минимума слов, достигает большой впечатляющей силы.

Но, как известно, наши недостатки порою продолжение наших достоинств. Иногда значительность в книге «Ступени» становится многозначительностью, естественный повтор уступает место несколько назойливым повторениям: так случилось, мне кажется, в стихотворении «Memento mori! — слышу я порой».

При всей кровной связи с «классической» народной речью язык С. Поделкова очень современен, потому что современны его взгляды на жизнь, потому что его герой — это зрелый, думающий человек наших дней. С. Поделкову пришлось много пережить, и ему веришь, когда свое сердце он называет сейсмографом:

Да, втуне теплятся воспоминанья,
но стоит к ним приблизиться
едва, —
как стража, поперек встают
слова:
цена предательства — цена
познанья...

Это и многое другое в книге автобиографично. Автобиографична и поэма «Власть сердца» — поэма о ступенях человеческой жизни, о любви и о верности в тяжелые годы, о войне и о мужестве, о природе, о поэзии. Она написана свободным стихом, который подчиняется С. Поделкову так же охотно, как стих рифмованный.

В книге поэта есть одна «ступень» — песни мари. Среди них нет переложений, вариаций и других форм литературного творчества, с помощью которых поэт иногда приближает к себе чужую поэзию, не в силах приблизиться к ней сам. Это собственно переводы, в строгом смысле слова. Но до чего же они органичны для книги С. Поделкова! Даже там, где он стремится внести в песню свое, оказывается, что его мысль развивается параллельно с самой песней.

На суперобложке книги С. Поделкова художник изобразил некое подобие лестницы, уходящей вдаль. Быть может, делать этого не стоило: название книги приобрело излишнюю конкретность. А за названием многое — и в личной судьбе поэта, и в его поэтической судьбе, и в изображенном им мире.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

В ДРЕЗДЕНСКУЮ ГАЛЕРЕЮ

СНИМОК с этой картины был опубликован в «Литературной газете» девять лет назад, незадолго до Октябрьских праздников. Картина киевского художника Семена Гуецкого «Смольный. 1917 год» экспонировалась тогда в Киеве на юбилейной выставке, посвященной 40-летию Октября.

Тот, кто видел это полотно, несомненно запомнил его... Октябрьская ночь семнадцатого года. Смольный. Владимир Ильич, проходя коридорами, увидел вдруг солдата и матроса, спящих на полу в коротком перерыве между боями. Ленин о чем-то задумался, глядя на них... Как будто бы простой и незамысловатый сюжет. Но как верно сумел передать художник мысль о народности Советской власти, рожденной революцией, об удивительной человечности Ильича! Художник Гуецкий как-то говорил, что не может забыть строк из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»:

Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин...

Строки эти стали как бы эпиграфом к картине.

Нынешней весной генеральный директор государственных собраний искусства в Дрездене профессор Макс Зейдевитц приехал в Советский Союз, чтобы отобрать экспонаты для отдела советского искусства, который откроется в Дрезденской картинной галерее к 50-летию Великой Октябрьской революции. Увидев картину С. Гуецкого в Киевском музее украинского искусства, профессор Зейдевитц предложил автору сделать копию для Дрезденской галереи.

— То, что мое полотно будет экспонироваться в сокровищнице мирового искусства, налагает на меня чувство огромной ответственности, — говорит художник. — Работая когда-то над картиной «Смольный. 1917 год», я сделал к ней множество этюдов, набросков. Теперь, приступив к повторению этой вещи, я понял, что не смогу сделать обычную копию. Я пишу это произведение как бы заново.

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ. (Наш корр.)

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

ДОРОГИЕ МОИ ЛЮДИ

МОЛОДОЙ поэт Валерий Тур написал драму «Бой с тенью», ее поставил один из крупнейших театров Москвы — Центральный Театр Советской Армии. Появление нового имени в литературе в таком трудном жанре, как театральная драматургия, всегда вызывает большой интерес. Самостоятелен ли драматург в своем творчестве, не идет ли он по проторенным путям? — эти вопросы неизбежно возникают, когда знакомишься с пьесой начинающего автора или смотришь спектакль, поставленный по его первой пьесе.

Жизненность событий, оригинальность темы и то, как автор свободно распоряжается сценическим временем, дают нам полное основание считать, что для Валерия Тура обращение к драматургии — не эпизодическое, что это событие в его биографии.

Действие спектакля развивается в сибирской тайге и в Москве. Поиски романтических перипетий, стремление нарисовать характеры сильные и сложные, показать и тяжелые испытания, и радости, выпавшие на долю героев, заставили молодого драматурга пройти по следам советских геологов, ищущих богатства земных недр в бесконечных таежных просторах.

Я не хочу излагать в этой маленькой рецензии сюжет пьесы, хотя его легко рассказать. Вероятно, основой сюжета стало действительное происшествие. Однако за будничными событиями пьесы мы видим непростые характеры людей, живые образы, созданные драматургом. И все это люди, близкие нам, знакомые и дорогие.

Близки нам их волнения и тревоги, человеческие слабости и взлеты, победы и поражения. И хорошо, что драматург и театр стремятся показать людей неспокойной профессии, неспокойного характера.

Перед нами — немного заносчивый, но честный и чистый молодой геолог Ткаченко (артист Б. Зубов), бесконечно влюбленная не только в Ткаченко, но и в свое дело геолог Эля (артистка И. Шантырь), Дрягин (артист Г. Крынкин), талантливый человек, но трус. Испугавшись, что из-за его одержимости погиб человек, он скрывается от людей. Он казнит себя и, стремясь, чтобы находка его пошла на пользу людям, передает ее незнакомому геологу.

Спектакль «Бой с тенью» — последняя постановка недавно скончавшегося талантливого режиссера Д. Тункеля — горячо принимается зрителем.

Георгий МДИВАНИ

УСПЕХ ГРЕЧЕСКОЙ АКТРИСЫ

Сценическая история «Медеи» Эврипида знает много артистических успехов. Свидетелем одного из самых ярких только что была театральная Москва.

Позвавчера в Театре имени Маяковского заглавную роль в спектакле «Медея» исполнила выдающаяся трагическая актриса Аспасия Папатанасиу (Греция).

Отвечая на овации зала и сердечные приветствия своих коллег — советских артистов, Аспасия Папатанасиу сказала, что десять дней совместной работы с Театром им. Маяковского были и будут для нее радостными днями совместного труда с братьями и сестрами по искусству.

Сыграв дважды Медею на московской сцене, замечательная актриса возвращается на родину.

бы я тебе отец, ты бы у меня на задницу до Покрова не сел. Стронули вас вороды, вот вы и мечетесь... Тащи еще пару!

— Да хоть пять, папашка! — заметался Михей, бросаясь к стойке. Возможность выбраться из города, плотно окольцованного санитарными кордонами, удваивала его услужливость. — Уж ты прости меня, Илья Степанович, за бога ради, сечь некому.

— Бог и простит.

— Пей, Илья Степанович, ангельский ты человек.

— Благодарствую. Садись, слушай...

Из последующего разговора выяснилось, что возит старичок самого предрика товарища Савчука и не всегда по делу, так как завелась у товарища Савчука краля, а проживает та краля в приспособленной для нее старорежимной усадьбе, что — на счастье Михея! — расположена за кордоном. Посему фаэтон Ильи Степановича пропускают туда и обратно беспрепятственно, чем старикан и пользуется, вывозя время от времени бедолаг вроде Михея.

А после у себя, в чистенькой каморке при исполкомовской конюшне, Илья Степанович вдруг открылся еще и в другом роде:

— Ты не смотри, что у меня виду нету. И смеюсь я завсегда не от своей райской жизни. Слезой душа исходит, глядючи на всеобщий разор и столпотворение. Куда только несет нашу матушку Расею! В самые, видать, тартарары. Мне чего, я отжил. Вас, сосунков, жальчее всего. За что вы только муки эти всевозможные принимаете. Отцовская шкода, а у детей чубы трещат.

— Век, отец, помнить буду. Стянул бы я тут ни за грош без тебя. Дай тебе бог того, чего хочется, — простодушно сказал Михей.

— А чего мне хочется, — взвился тот, и смешливые искорки вдруг погасли в его глазах, а лицо против обычного еще более посерело и заострилось, — то и без твоих молений совершится. Не допустит господь такого поругания над православной верой. — Он сорвался с места, одним рывком вытянул из-под кровати ковровый перемет и дрожащими от возбуждения руками стал рыться в нем. — На, смотри... Вот они все три — один к одному казаки. Всех вырубили, вороды, как спелый колос на корню. Старший уж до подхорунжего дошел... Вороды! — Старичок часто-часто моргал, редкие белесые ресницы его увлажнились, и мутные слезки путались в частых морщинах. — Только не век боговать растовариищу Савчуку, дай срок, своими вот этими сокращу, прости меня, господи, грешного.

И прежде чем обычная усмешливость вернулась к нему, он долго еще не мог успокоиться и все совал, все совал гостю в покорные руки пушкарского подела снимки сыновей во всех возрастах и положениях:

— Вот я и говорю: чего тебе по земле шастать, доли искать, когда вся доля-то твоя — дома. Я бы вот, к примеру, чтобы хучь помереть в родном курене... Только нету у меня его, куреня-то. Был да весь вышел. Все подгребло. И самого изжили, вороды!

— За что, батя?

— За что! Да за все: за верность мою царю и отечеству, за то, что господа бога почитал, за то, что надел свой, потом политый, с оружией супротив них, басурманов, боронил... Ах боже ж ты мой праведный! — Он, источаемый раздражением, забегал по комнатушке. — Да хучь бы за то, что глаза мои для них не того цвета... А ты говоришь: «за что»?

— А сейчас как — ничего, не трогают?

— А что я сейчас? Нуль. Дядька Ильюха до старости щенок. У идоловой кобылы хвост скребу. Только дай срок, дай только срок, поспустим кровя растовариищу Савчуку... И какую поспустим. — Старик повернулся к гостю и спокойно округлил. — И не тебе — первому встречному я об этом говорю, да не резон вам меня продать, сосн после лапу в карантине. Вот и неси, хошь не хошь, слово мое по Расее вместе с тифозной вошью.

— Облегчаешься, значит? — У Михея дух захватило от последних его слов и в кончиках пальцев ощутил он знакомое покалывание, как за шаг перед обрывом. — Не с кем больше?

— А с кем, с Савчуком, что ли? Он тебе врал облегчит на целую голову, а то и с обоих сторон.

— А бог-то как же, батя?

— А это, брат, не твоя забота, это моя с ним забота... Вот так-то...

В ночь старик, благополучно минуя санитарные кордоны, вывез Михея из города и погнал пару в сторону моря, откуда седоку его предстояло добираться до ближних промыслов своим ходом. Моря они достигли на переломе ночи, когда горизонты Каспия тронуло первым молоком рассвета.

Плоскую, как стол, блистающую поверхность его изредка подергивала ознобливая рябь. С моря тянуло холодком, и глубокий простор проникал Михея ощущением ровного и долгого умиротворения, очищая душу от шума и суетности того, что оставалось позади.

— Ну вот, — медленно и грустно проговорил Илья Степанович. Сгорбленная фигурка его в старой суконной поддевке пожухла и стала еще меньше. — Жми, брат, на все четыре. Не воротишься ты до дома, знаю. Не ты первый, не ты последний. Уговаривай тебя — не уговаривай, плюнула свое возьмет. Корень из вас людской выдернули, а без корня душа, будто перекати, с любым ветром катится... Ступай себе...

— Слушай, батя...

— Ступай, ступай! — Не попросил, а скорее простонал тот, и в блеклых глазах его зябко засквозила тоска — тихая и неизбывная. — Непутевый...

И, поворачивая в прибрежные пески, Михей еще долго чуял между лопаток жгучий ожог стариковского взгляда.

Утро набирало знойную силу. Песок стремительно и уверенно раскалялся, глухое море, казалось, плавилось в солнечном мареве, и желтая даль впереди вязко плыла навстречу, ни намеком не предвещая путнику близкого избавления.

Совсем рядом, шагах всего в пятидесяти дразнила доступностью и посулом утоления бесконечная вода. Но даже и продравшись к ней через пояс векового ила, он не мог бы взять ничего, кроме отчаяния и боли.

Все впереди, принимаемое им за спасение, уже через несколько шагов призрачно рассеивалось, чтобы через минуту снова воздвигнуться в поле зрения новой надеждой. Поэтому, когда в песчаном царстве у горизонта возник и стал, приближаясь, вырастать черный остов рыбацкого причала, Михей опять воспринял его, как наваждение, горячечный бред, и только коснувшись пахнущих рыбой и сохнущим илом досок первого навеса, поверил, что спасен и позвал:

— Братцы...

Ответа не последовало. Лишь в знойном до хруста воздухе все еще потрескивало усыхающее в полдневном пекле дерево навесов и коптилен.

Михей шагнул к открытой двери напротив, но едва он перешагнул порог, как перед ним, словно сотканная самой полутьмой, возникла женщина с протянутой к нему кружкой:

— Пей.

Жадно и шумно глотая теплую, чуть отдающую известью воду, Михей взглядом продирался сквозь темноту к ее лицу и постепенно выявлял перед собой сначала круглые бездумные глаза, потом скулы, чуть поклеванные оспой, крепкие сухие губы над округлым подбородком. И привыкая к ней и к прохладной полутьме, окружавшей ее, он спросил:

— Одна тут?

Слова она роняла, словно отсчитывала: не передать бы.

— Одна.

— Давно?

— С карантина.

— А где все?

— В карантине.

— Застряли?

— Да.

— А что ты у них делаешь?

— Стряпаю.

— А сейчас?

— Жду.

— Их?

— Да.

— До Кара-дага далеко?

— Пеше два дня.

— А как еще?

— Морем.

— Как?

— На лодке.

— Долго?

— К ночи будешь.

— А где лодки?

— Бери любую.

Она кивнула куда-то поверх его плеча. Он обернулся: вытащенная на песок, аспидно маячила в белесом безмолвии стая лодок, и каждая из них виделась сейчас одинокой бескрылой птицей, умирающей на прибрежном песке.

И хотя путешествие в любой такой посудине через залив, готовый в каждую минуту вздыбиться шестибалльником, могло кончиться для него далеко не безмятежно, двухдневный поход по одуряющим жарой и видениями пескам совсем уже не светил Михею.

— Жару пережду.

— Пережди.

— Да, мать, с тобой не заскучаешь. И откуда ты только такая разговорчивая?

— Откуда все.

— А все откуда?

— Из земли.

— Все знаешь?

— На то есть писание. — Строго посмотрела она и, закрыв глаза, прочла на память: — «Из земли вышли, в землю войдете вы...»

— Так, — смущенно вздохнул он и, меняя тему, спросил: — Поесть найдется?

— Кулеш станешь?

Расстелив по земляному полу жилого сарая чистую мешковину, женщина наскоро собрала ему нехитрую снедь, поставила воду и отступив в тень, словно растворилась в ней.

Еда разморила Михея, он во весь рост блаженно растянулся тут же рядом с остатками еды, и душный полдневный сон оборвал его ленивые думы, а когда парень очнулся, колкие звезды уже подрагивали, наподобие рыбешек в сетях, в узких прорезях меж досок кровли и чье-то неровное и явно бодрствующее дыхание обвевало его плечо.

— Ты?

— Я.

И в эту ночь они не сказали больше друг другу ни слова. Но, зароненные ее случайной лаской, неведомая дотоле тоска по теплу и покою и страх перед грядущей неизвестностью, вдруг коснувшись Михеева сердца, уже не отпускали его до утра. И тогда он поднялся, чтобы вернуться. Там, позади, всего в дне мучительного пути, Михея стерег карантин, из которого еще вчера такой желанной виделась даль у Каспия и куда теперь он не мог смотреть без жуткого содрогания, точь-в-точь, как тогда, за мгновение перед отходом «Пирогова».

Прежде чем уйти, Михей в последний раз обернулся. Женщина, казалось, не спала, а просто закрыла глаза, закрыла, как закрывают их все женщины в покое и удовлетворении. Тихой безмятежностью светилось ее лицо в скользящем по нему первом луче. Михею стало страшно оттого, что он больше уже никогда, ну никогда не увидит ее, и, чтобы оторваться от этой, остро поразившей его мысли и перешагнуть порог, ему пришлось сделать над собой предельное усилие.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 140
26 ноября
1966 г.
3 стр.

Монгольской Народной Республике — 42 года

ТАМ, ГДЕ СТОЯЛ ХАШАН

КОГДА мы уже проезжали по Монголии, наш сосед по купе, москвич, сказал:

— По-моему, самое красивое здание в Улан-Баторе — это «Монгол-банк».

— С чего вы взяли? — удивился Лхагва. — Тем более, что реконструкция только началась, и трудно сказать, победит ли он в «соревновании» между домами.

— А у вас разве много таких же домов? — в свою очередь недоуменно спросил собеседник.

Нам с Лхагвой стало ясно, в чем дело.

— Скажите, пожалуйста, когда вы были в последний раз в Монголии?

— Гм, правда, это было давно. Помню, погода стояла холодная и ветреная, да к тому же от Улан-Удэ до Улан-Батора мы добирались на автомобиле. Это вот теперь мы едем со всеми удобствами по железной дороге.

Мы с Лхагвой переглянулись.

— Да, много с тех пор воды утекло, многое изменилось.

На столичный вокзал мы прибыли ранним утром, но на перроне оказалось полно людей — это встречали нашего попутчика. Он хитро улыбнулся нам:

— Жаль, что не заключил с вами пари — пусть даже многое изменилось в Монголии более чем за два десятилетия, но осталось прежним самое главное — то, как наши народы относятся друг к другу. Но все же с переменами в столице я хотел бы познакомиться, — добавил он серьезно.

— Что ж, мы с удовольствием поможем вам в этом, — ответил Лхагва.

Быстро договорились о времени, и в назначенный час автомашина уже везла нас по Улан-Батору.

В Дархане, крупнейшем промышленном центре Монголии, построена самая мощная в стране теплоэлектроцентраль. На снимке: в котельном цехе Дарханской ТЭЦ. АПН

— Помедленней, пожалуйста, — взмолился наш гость. — Прямо, как в Новосибирске — красивый, молодой, я бы сказал, величавый город. О, смотрите, семиэтажные дома!

— Добавьте, с ваннами, с горячей водой! — опять же не без ехидства добавил Лхагва.

Мы проехали по широким улицам, мимо нарядных скверов к памятнику Сухэ-Батору. И тут наш гость вспомнил, где он жил.

— Этот домик стоял на окраине города, в узеньком переулочке за хашаном. Маленький такой домик, из тонких бревнышек, обмазанных слоем глины.

Мы подъехали к указанному месту, но не нашли ни домика, ни хашана, ни узкого переулочка. На их месте возвышалось большое здание. И по лицу гостя видно было, что ему немного жаль своих воспоминаний.

— Не грустите, — сказал Лхагва. — Ведь для того и приезжают к нам такие гости, как вы, чтобы легче было разделаться со старым, с плохим. И мы вам очень благодарны за это.

Луосен-Нямын БЯМБАДОРЖ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

АДОЛЬФ ВТОРОЙ

Фюрера национал-демократической партии зовут Адольф фон Тадден. Во время войны Адольф II был танковым офицером вермахта. Кто он и к чему он призывает немцев, видно из его недавнего заявления: «Германия должна быть восстановлена в ее исторических границах. Восточногерманские земли и Судетские земли должны быть как можно скорее возвращены». Иначе говоря — реванш, с акцентом на словах: как можно скорее. Каждый, кто против этого, — предатель, провозгласил фон Тадден. Тут же он заявил: «Пришло время Вашингтону понять, каково действительное положение дел». Понимают ли в Вашингтоне?

Государственным переворотом в Бонне новый фюрер рисковать не хочет. Видимо, он думает, что этого не потребуется. Известно, что еще несколько лет назад, обращаясь к своим сторонникам, он сказал: «Будьте осторожны! Будьте всегда на грани конституции, но не переступайте ее!»

Этот человек, за которым, судя по избирательной статистике, уже идут два с половиной миллиона западных немцев, знает свое ремесло. Он тоже хорошо помнит, как Гитлер пришел к власти: не переступая грани веймарской конституции ни на сантиметр, воспользовавшись конституцией как лестницей для себя. Когда королю германской военной промышленности и генералы из окружения Гинденбурга сочли, что час настал, веймарская республика в течение одного дня начала совершенно легально превращаться в «третий рейх».

Сегодня в Западной Германии еще не слышно возгласов «хайль фон Тадден» или — чего можно ожидать скорее — «хайль Штраус». Поручиться за завтра не может никто. Не исключено, что ученым профессорам из породы политических маниловых, до нынешнего ноября отказывавшимся принимать всерьез неонацистскую опасность, предстоит еще немало неожиданностей.

РОСТКИ И КОРНИ

Не нужно преувеличивать и спешить с пророчествами. Неизбежен ли дальнейший рост неофашизма в Западной Германии? Нет, не неизбежен. Успех НДП на выборах в Гессене и Баварии — всего лишь первая открытая вылазка этих сил, предпочитавших до сих пор держаться в скрытом резерве. Старшее поколение западных немцев не забыло того, что искореверкало их жизнь. Оно понимает, что новый неофашистский взрыв может в конечном счете буквально сровнять с землей их страну. Сегодня антифашизм намного опытнее и сильнее, чем был до войны.

Это верно. Но нельзя впадать и в противоположную ошибку: вновь недооценивать фашистскую угрозу. Мир не имеет права быть взятым врасплох во второй раз.

Будем хладнокровны и осторожны. Проверим ряд возможностей, начиная каждую со слова «если».

Если экономическое положение в Западной Германии ухудшится, то можно ли исключать, что тяга к фашизму в рядах мелкой буржуазии и обывательской молодежи усилится? Корреспонденты сообщают, что в ФРГ в последнее время наблюдаются явные признаки спада конъюнктуры.

Если внешняя политика ФРГ будет по-прежнему двигаться по рельсам «холодной войны», реваншизма и антикоммунизма, то не будет ли рост националистических настроений и в дальнейшем играть на руку неонацистам? Признаков поворота политики ФРГ в сторону подлинного мирного сосуществования пока незаметно. Говорят, что после падения Эрхарда и земельных выборов в рядах правящей партии ХДС усилилось влияние правого реваншистского крыла во главе со Штраусом.

Если милитаризация западногерманского государства будет продолжаться, то можно ли исключить, что военщина бундесвера в один прекрасный день решит последовать примеру генералов Гинденбурга и заявить, что ей больше по пути со Штраусом и фон Тадденом, чем с нынешними брюнингами и шлейхерами? Вспомним, что всего лишь этим летом в Бонне уже имел место «бунт генералов», требовавших большего влияния на государственную политику. Все генералы бундесвера служили при Гитлере. Кто поручится за то, что их второй бунт не кончится серьезнее?

И еще одна гипотеза. Не секрет, что нынешняя боннская верхушка во многом зависит от поддержки клики крупных дельцов, финансирующих правящую партию ХДС, в частности, от поддержки таких некоронованных королей ФРГ, как владелец громадного военного концерна Флик. Это бывший приближенный Гиммлера. Просидев после войны пять лет, он стал самым богатым человеком Западной Германии и теперь, говорят, стоит за спиной Штрауса. Можно ли исключить, что западногерманские магнаты, вновь помешавшиеся на бизнесе вооружений, не сделают в удобный для них момент то же, что 34 года назад сделали их предшественники: внезапно потребуют от правящих политиков смены упряжки и сдвига вправо?

Все это только вопросы. Гипотезы могут остаться гипотезами. Но пока жив германский реваншизм, нацизм не умрет.

Результаты выборов в Гессене и Баварии — не эпизодическое событие, о котором завтра можно забыть. Это резкий, пронзительный сигнал с международной сцены, пренебречь которым не вправе никто. Борьба продолжается. Будем помнить об этом, следя за дымом непотухшего вулкана за Эльбой.

СИГНАЛ

Военный преступник, бывший главнокомандующий гитлеровским военно-морским флотом вице-адмирал Дениц (третий слева) занимает почетное место на военном параде в Бонне. Фото из итальянского журнала «Вие нуове»

И ФЛЕЙТА, И ОГОНЬ

Исполнилось пятьдесят лет выдающемуся писателю Пакистана Ахмаду Надиму Касми. В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся юбилейный вечер, который открыл вице-президент Общества советско-пакистанских культурных связей Ю. В. Ганковский. Со словом о Касми выступил литературовед Н. В. Глебов.

Ахмад Надим Касми. «Багряные цветы». Перевод с урду Сергея Северцева. Под редакцией Павла Железнова. Составитель, автор предисловия и примечаний Н. В. Глебов. Издательство «Прогресс». 1966.

Небольшая, изящно изданная книга с нарисованной на обложке молодой пакистанской крестьянкой — так выглядит сборник избранной лирики Ахмада Надима Касми, одного из крупнейших писателей Пакистана, в переводах поэта Сергея Северцева. До сих пор наши читатели были знакомы только с прозой Касми — рассказами из жизни пакистанской деревни. «Багряные цветы» впервые открывают нам богатый и красочный мир его поэзии.

Касми нет необходимости декларировать свои идеи добра и справедливости — ими проникнута каждая строка. С неподдельной любовью, уважением, сочувствием рассказывает поэт о людях, среди которых когда-то прошло его детство, — о старых пастухах, заботливых и мудрых, трудолюбивых земледельцах и рыбаках, застенчивых деревенских девушках. Есть в его стихах и нежная мелодия флейты и беспощадный огонь обличения.

Как мне хочется крикнуть
в отчаянье, в горестной
злобе:
— Богачи, берегитесь!..
Откроются ваши дела!
То не жалкие хижины —
тысячи ваших надгробий,
Не снопы, а костры,
на которых сгорите дотла!..

Заслуживает высокой оценки мастерство переводчика, сумевшего передать особую образность и сложную гамму чувств поэта. Филигранная работа потребовалась, например, при переводе многочисленных лирических миниатюр, излюбленного жанра Касми. Они очень разнообразны, эти миниатюры: читая их подряд, словно перебираешь разноцветные четки, искусно нанизанные на невидимую нить. Вы находите и циклы любовных восьмистиший, и «Сельские картинки», одновременно бытовые и лирические, и философские раздумья о высоком назначении человека, о его неустанном движении вперед.

Если завтра хочешь стать
свободной,
Всей душою рвись
из преисподней,
Ведь рука твоя —
уже сегодня —
Держит ключ
от завтрашней зари!

Поэзия Касми — в заботах о будущем. О будущем, которое куется сегодня.

Э. БОРОВИК

ЛАХОР
ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ
АХМАДУ НАДИМУ КАСМИ

Сердечно поздравляем Вас, большого пакистанского поэта и прозаика, с днем Вашего 50-летия. Желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих успехов.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛЮБИТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРЫ

Еженедельник «Нове книги» под заголовком «Кто? Когда? Где? Что?» публикует заметку о выходе в Чехословакии «Словаря писателей народов СССР». В словаре содержатся биографические данные о советских писателях, перечень их произведений, издание их книг на чешском и словацком языках. Этот первый в Чехословакии обзор, посвященный советским авторам, — ценное подспорье для знатоков и любителей советской литературы.

В КАИРЕ, У ПИСАТЕЛЕЙ

Георгий ГУЛИА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

АРАБСКАЯ художественная литература воистину безбрежна. Ее возраст исчисляется веками. Традиции ее прочно укоренились. Она создавалась и создается поныне в разных странах, говорящих на арабском языке, — от берегов Тигра и Евфрата до западных границ Северной Африки. Родина ее обширна, и велик народ, творящий ее.

В сегодняшнем мире все меньше людей, защищающих однозубый тезис «литература для литературы». Социальное, политическое значение литературы, ее значение, как действенного оружия в руках просвещенного народа, признано почти всеми. Проблемы традиции и новаторства, проблемы языка обсуждаются в той или иной форме почти во всех странах. И с достаточной остротой — в арабских. Арабский литературный язык существенно отличается от разговорной речи наших дней.

Но если цепко держаться только и только этого языка, пренебрегая «диалектом», разговорной народной речью, то будет ли играть литература ту роль в жизни народа, которую надлежит ей играть? А как быть с некоторыми закостенелыми художественными формами, идущими от старины?

Что же самое важное в египетской литературе сегодняшнего дня? Самое примечательное, новое?

Эти вопросы я задал виднейшим египетским литераторам. Мы беседовали за чашкой кофе. Обстановка была, я сказал бы, «семейной», разговор — откровенным. Писатели принадлежали к различным поколениям — от опытного Абдель Рахмана аль-Хамиси до молодого поэта Ахмада Хигази, от критика Луиса Авада до поэта Салаха Сабура. В беседах принимали участие такие широко известные писатели, как Юсеф Идрис и Абдель Рахман аль-Шаркави.

Абдель Рахман аль-Хамиси сказал:

— Борьба — вот отличительный и самый важный признак нашей литературы последних двух-трех десятилетий. Во времена короля Фарука это была борьба против королевской тирании, против империализма и эксплуататорских классов. Она породила целый ряд прекрасных произведений, дала целый ряд блестящих имен. Хочется назвать, например, произведение Таха Хусейна «Обездоленные этого мира». Эта книга, правда, несет на себе печать некоторой социальной ограниченности, но она явилась грозным предупреждением сильным мира сего. Автор ее словно говорил: «Богатые, поделитесь своим добром с бедными! Бьет ваш час!..» Вот еще примеры: роман Абдель Рахмана аль-Шаркави «Земля» и рассказы Юсефа Идриса.

После свержения короля литература включилась в борьбу против врагов революции. Мы видим, как литература в своих произведениях все ярче рисует борьбу против империализма, за освобождение угнетенных стран, ратует за дружбу с народами, в том числе и с советским. Эта борьба породила литературу, связанную с сердцем народа.

Абдель Рахман аль-Шаркави согласен с аль-Хамиси.

— Это так, — сказал он, и продолжал: — Изображение жизни простого, «незаметного» человека и его чаяний — не характерно для нашей традиционно-классической литературы. Оно стало отличительной чертой новой литературы, в центре которой — простой человек, с его заботами и борьбой за лучшее будущее. Это привело к упрочению таких жанров, как рассказ, драма, роман. Намного расширился кругозор писателя, раздвинулись рамки его творчества: его интересуют судьбы мира, человечества, проблемы мирного сосуществования, свобода и так далее... Новое в нашей литературе — социалистический реализм. К этому методу все чаще обращаются многие литераторы. Хочу подчеркнуть особо: возрос интерес к народному языку. Язык новой литературы приближает писателя к рядовому человеку. Наконец, еще одно обстоятельство: сегодняшняя литература развивает лучшее классическое наследие. Так мне кажется...

Слово переходит к Юсефу Идрису. Он начинает с шутки.

— Тёзки Абдель Рахманы сказали почти все самое главное... Но чтобы не прерывать нити нашей беседы, скажу и я...

Юсеф Идрис полагает, что сегодня вырос интерес читателя к литературе, к ее роли в развитии общества, государства. Читатель пристально наблюдает за тем, что в ней хорошо и что плохо с социальной точки зрения. Разве такое бывало прежде?

— Наметилось и окрепло направление, которое мы именуем левым, марксистским, социалистическим. Прежде оно было известно, как «левое», без четко очерченных границ. В литературе появились новые темы, новые объекты художественных исследований, как, например, классовая борьба, экономический фактор, труд. Я имею в виду конкретно-художественное решение этих тем. И еще одно следствие всего этого — изменение образа героя в обычном понимании классической арабской литературы. В книги пришел новый герой: рабочий, феллах, мелкий служащий, полицейский, хозяйка дома. Много ли подобных героев мы встречали в классической литературе? Вот таковы, например, персонажи моей новой пьесы, которую я назвал «Земная комедия». Действие происходит в одной небогатой семье. Ее раздирают противоречия: земля ли владеет человеком, или, напротив, человек землей"...

Абдель Рахман аль-Хамиси говорит:

— А я пишу книгу под названием «Искусство, которого мы хотим». Это — теоретическое исследование. Некоторые взгляды на социалистическое искусство. Я считаю, что нам надо идти именно к нему, к искусству социалистическому...

Наша беседа продолжалась у поэта Ахмада Хигази. Юсеф Идрис рассказал о разговорах «с двумя Абдель Рахманами».

Известный критик доктор Луис Авад сказал:

— Я укажу на два явления: это — подъем нашего национального театра и победа — или почти победа! — современной поэзии над застывшей, над классически традиционной поэзией. Первое касается нас, египтян, второе — всего арабского мира. В поэзии утверждается диалект, то есть народный язык. Что касается нашего театра, то здесь диалект победил окончательно! И это обусловило бурное развитие национального театра, его быстрые успехи. К сожалению, отстает теоретическая мысль, мы мало и недостаточно обобщаем происходящие литературные процессы.

Поэт Салах Сабур заметил:

— Закостенелая форма литературной традиции особенно живучей оказалась в поэзии. Нам, поэтам, самой жизнью был брошен вызов: выразить чувства современного человека, сохраняя в какой-то мере наши богатые литературные традиции. Последние пятнадцать лет показывают, что наша поэзия приняла этот вызов и в значительной степени оправдала свое назначение как большой общественной силы...

Луис Авад перебил Сабура:

— Я хотел бы уточнить этот вопрос. У новой поэзии нет настоящих, сильных врагов. Враги ее, скорее всего, мнимые. Чаще это слабые поэты, цепляющиеся за традиции. Но ведь традиции сами по себе не создают таланта. Я думаю, что новая поэзия, опирающаяся на народный язык и новые формы, одержала бы победу и над сильными поэтами из традиционной поэзии.

Салах Сабур и Ахмад Хигази согласились с этим. Юсеф Идрис сказал:

— В поэзии побеждает новое. Традиционное уступило место живой речи и ярким чувствам человека во плоти.

Ахмад Хигази придает первостепенное значение повышению литературных вкусов широких народных масс. Этого нельзя достичь в полной мере без ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Это проблема, которой вплотную занимаются арабский Социалистический союз, пресса, радио, телевидение. Простой человек должен видеть в литературе близкие его сердцу проблемы. Он должен почувствовать в литературе и литераторах своих друзей. Сегодня поэзия — рядом с человеком. Она не чурается улицы, тесных жилищ, кафе, рынков, повседневных мелких забот.

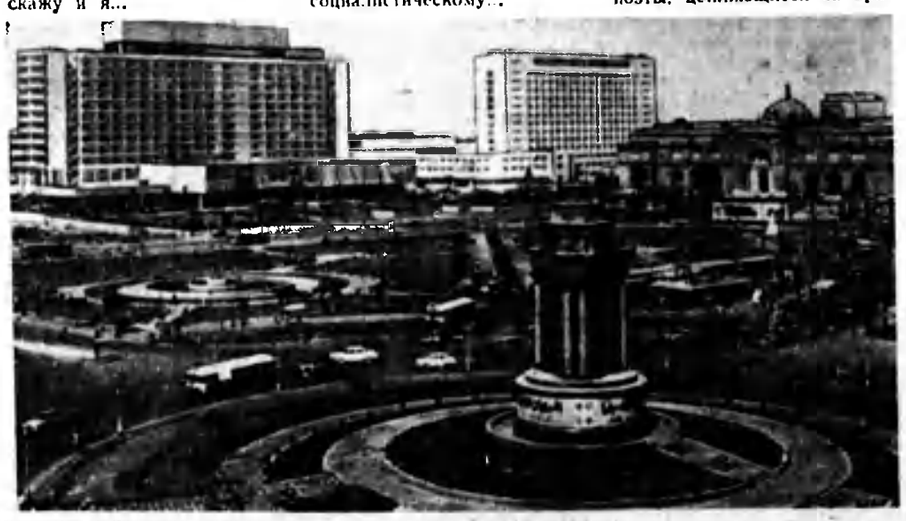
Ахмад Хигази ведает литературным разделом в популярном журнале «Роз аль-Юсеф». Мне хотелось узнать, кого из египетских поэтов он выделяет. И он назвал их: Абдель Рахмана аль-Шаркави, Салаха Сабура и более молодых — Амаля Донкуля и Мухаммеда Афифи Матара.

Беседа с египетскими литераторами прерывалась чтением стихов. Ахмад Хигази и Салах Сабур читали не только свои произведения, но и стихи своих друзей. В окна врывался отдаленный шум Каира, неуемного даже в этот поздний вечерний час. Было приятно сидеть в тесном кругу с выдающимися мастерами египетской литературы и вести с ними неторопливый разговор о литературе...

Я рассказал об этой встрече и теме нашей беседы видному новеллисту, критику и общественному деятелю Махмуду Амину аль-Алему.

— Я считаю, — сказал он, — что важнее нынешнего положения литературы ее будущее, точнее — основная направленность, тенденции в развитии ее. Есть у нас прекрасные романы нашего знаменитого Нагиба Махфуза, есть рассказы Юсефа Идриса, драмы Альфреда Фараха и много других произведений. Но, подчеркиваю, еще важнее, на мой взгляд, направление движения. А движение это характеризуется народностью, сближением с чаяниями народа. И это хорошо! Это важнее всего!..

Каир разноликий. Он огромный. Кипящий. Обращенный в будущее. Литературная жизнь сегодняшнего Египта ассоциируется у меня с образом Каира.



Каир. Площадь ат-Тахрир.

КАИР

Юмор наших друзей

УДИВИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Милослав ШВАНДРЛИК,
чехословацкий писатель

ПАН Мустр глубоко задумался — перед ним лежала открытка с цветком, и он не знал, кому ее послать. Первоначально она предназначалась в Валашске Мезиржичи двоюродному брату Одолену, однако у того день рождения уже прошел.

«Кому бы написать?» — размышлял пан Мустр. — Раз уж я наклеил марку, так не пропадать же ей!»

И тут взгляд его упал на обрывок газеты, где сообщалось, что вечно молодому заслуженному писателю Франтишеку Гахле в среду исполняется шестьдесят лет.

«Это удача, — пробормотал пан Мустр, — меня от этого не убудет, а для него — радость».

Пан Мустр написал на открытке:

«Уважаемый Маэстро! По случаю Вашего шестидесятилетия желаю Вам здоровья и дальнейших творческих успехов: Ваш преданный читатель Альфред Мустр. Кваков 316».

Приблизительно через три недели пан Мустр испытал большое потрясение. Почтальон вручил ему письмо, в котором было написано следующее:

«Уважаемый пан! Сердечно благодарю Вас за поздравление по случаю моего шестидесятилетия и желаю Вам также всего наилучшего. Франтишек Гахле».

Когда пан Мустр пришел в себя от изумления, он обмакнул перо и принялся писать:

«Уважаемый Маэстро! Меня глубоко тронуло, что Вы нашли время и ответили на мое поздравление. Ответили мне, простите, простому трудящемуся человеку. Вы так загружены изнурительной работой и нашли минутку для меня, незнакомого Вам человека. Но Вы значите для меня очень много. Я читаю Ваши книги охотнее, чем любые другие. И мои знакомые с удовольствием читают Ваши книги. Пишите их для нас, любимый Маэстро, еще больше! Ваш благодарный читатель Альфред Мустр, Кваков 316».

Заслуженный писатель Франтишек Гахле ответил:

«Уважаемый пан! У меня есть привычка — отвечать на все письма читателей. Благодарю Вас за проявление симпатии и желаю Вам, чтобы и впредь чтение было Вашей отрадой. Заслуженный писатель Франтишек Гахле».

То, что Гахле прислал Мустру еще одно письмо, на этот раз потрясло весь Кваков. Мустру предложили освободившееся место библиотекаря, а также неосвободившуюся должность руководителя кружка просветбесед. Оба места он принял с благодарностью.

Вслед за этим сразу же последовало очередное письмо:

«Уважаемый Маэстро! Благодарю за Ваше милое и дружеское письмо, которое меня безмерно обрадовало и одновременно воодушевило к еще большей работе с книгой. Именно с Вашей книгой, Маэстро! Как библиотекарь, я могу смело заявить, что Ваши книги пользуются большим спросом среди читательских масс, прежде всего у рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. Будучи руководителем кружка просветбесед, я со всей ответственностью заявляю, что во время бесед с передовыми деятелями нашей культуры постоянно раздаются голоса о том, что Ваше посещение было бы большой честью для нашего древнего и культурного города. Я не смею надеяться, что Вы при Вашей занятости могли бы удовлетворить просьбу наших граждан, и потому позвольте мне лично провести беседу о Вашем творчестве и дать Вам подробную информацию. Ваш искренний и благодарный читатель Альфред Мустр, общественный библиотекарь и руководитель просветбесед».

Ответ заслуженного писателя был краток:

«Уважаемый пан, поступайте, как хотите. Подробную информацию можете не посылать, живо представляю себе эту беседу. С приветом Франтишек Гахле».

Беседа прошла с большим успехом. Пан Мустр проникновенно говорил о драгоценном друге, с которым он состоит в постоянной переписке и который доверил ему проведение этой беседы.

В следующем письме Альфред Мустр сообщал о том, что и дети Квакоев любят книги Мастро — в ответ на что Маэстро передал привет квакоским детям.

Но, увы, на двенадцатый раз в Кваков пришло всего лишь извещение о получении письма, вложенное в конверт с женой заслуженного писателя.

Интерес Альфреда Мустра к славному Маэстро, однако, не угасал. Директор Дома культуры Альфред Мустр недавно передал в издательство рукопись своей первой книги под условным названием «Моя дружба с Франтишеком Гахле». В ней он называет заслуженного писателя Франтой, Франей и Франтишеком. В общем, это исторический документ о прекрасных человеческих отношениях двух гигантов культуры.

Перевела с чешского
Ирина ГАВРИЛОВА

ХРОНИКА

В Советский Союз по приглашению Союза писателей СССР прибыли югославские писатели Влатко Павлетич и Симон Дрнуя.

Югославские гости на днях посетили редакцию «Литературной газеты».

Памяти

Чан Хыу Чанга

Неприступной крепостью на бровях называют вьетнамцы героический Юг своей родины: путь до него далек и труден, и не всегда приходят оттуда сообщения и письма с обычной для нашего времени скоростью. Так и теперь с месячным опозданием дошла до нас горькая весть: окончился один из видных драматургов и деятелей театра Южного Вьетнама Чан Хыу Чанг, член ЦК Фронта национального освобождения, президент Освободительной ассоциации писателей и деятелей искусства Южного Вьетнама.

Вся жизнь Чан Хыу Чанга — он родился в 1906 году — была посвящена честному служению гуманистическим идеалам искусства, делу освобождения народа от ига иноземных поработителей. Не случайно пьесы его, годами не сходившие со сцены, были запрещены цензурой марионеточного сайгонского «правительства», а общественная деятельность Чан Хыу Чанга, стремящегося объединить драматургов, актеров и работников сцены и защитить их жизненные права, навлекла на него преследования со стороны сайгонской охранки. Чан Хыу Чанг уходит в освобожденные районы Юга и становится в ряды борцов, сражающихся за свободу и независимость отечества, против американских захватчиков и их лакеев. В 1961 году была создана Освободительная ассоциация писателей и деятелей искусства, объединившая всех честных художников Юга. В тяжелейших условиях войны проводит она творческие конкурсы и семинары, издает журналы и книги, неся своим соотечественникам и всем народам мира слова правды о борьбе патриотов Южного Вьетнама, и во всем этом заключена частица благородного труда Чан Хыу Чанга, бессменного руководителя ассоциации с первых дней ее существования. Высоко оценивая заслуги советской литературы перед освободительным движением народов, Чан Хыу Чанг был горячим сторонником дружбы и расширения творческих связей между литераторами нашей страны и Южного Вьетнама.

И сегодня мы вместе с нашими братьями, писателями-патриотами Южного Вьетнама, склоняем головы перед памятью этого выдающегося художника и общественного деятеля, чье имя рядом с именами павших солдат будет начертано на монументе, который народ Юга воздвигнет в день своей победы.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Продолжается подписка на единственный в Советском Союзе богато иллюстрированный журнал по всем вопросам оформительского, монументального, прикладного, промышленного и народного искусства

«ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО СССР».

Подписка на журнал принимается без ограничения во всех почтовых отделениях, в пунктах подписки Союзпечати и общественными распространителями печати.

Подписная цена

на год —	14 р. 40 к.
на 6 месяцев —	7 р. 20 к.
на 3 месяца —	3 р. 60 к.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-01-62, отделы русской литературы — В 8-90-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-09-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательства — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 60087. Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 01058

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).